

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 71 (778)

26 декабря 1938 г., понедельник

Цена 30 коп.

НАШ ДОЛГ

Возьмем случай, довольно типичный. Любитель литературы прочитал книжку молодого писателя-дебютанта. Вначале ему было невтерпёж читать: какие тошноты, какие фразы! Будто плешь по заболоченной местности и, прежде чем сделать шаг, нужно с усилием выдирать ноги из земли. Однако вскоре читатель привык и, получив удовольствие, прыгая с котика на восток, в самом деле: топкая, но всякая благодатная, много обещающая земля! Если бы прощали казаны и отвести воду, и пропустить землю, и вложить в нее культурный труд человека, обработать ее, какими бы водами она засеялась, какими бы цветами зацвела!

Читатель возмущался за перо и написал свое мнение о книжке дебютанта. Он написал, что дебютант подает надежды, что книга его полна искренности и увлечения, и был совершенно прав. Он указывал дальше, что молодой писатель пока не умеет сидеть в литературном кресле, что язык книги зарос сорными словами, что поэзия за красивой метафорой приводит к вычурности, что писателю нужно много и честно трудиться, в этом читатель тоже был со всей несомненностью прав.

Как же случилось, спрашивал читатель, что книга вышла в свет в таком неприглядном виде? Книга, как будто, имеет хорошие задатки. Значит, молодому писателю не помогли?

Да, ему не помогли, заключал читатель, и в этом был тоже прав.

У нас охотно, часто с искренним увлечением, помогаем начинающим, но сплошь да рядом эта помощь ведет не к обогащению советской литературы, а к снижению ее уровня, к поддержке и насаждению того, что можно назвать снижательной литературой.

Возникает эта помощь из самых добрых побуждений. В руки зрелого писателя, мастера, попадает повесть начинающего. Повесть нельзя напечатать, она плохо написана.

Хорошо, я должен помочь начинающему, — говорит зрелый писатель, садится за рукопись и начинает ее читать. Он убрав все, по его мнению, лишнее, заповедно монтирует главы, трудится над языком, то есть строит фразу так, как сам ее построил бы, оказавшись он на месте автора. Писать повесть — это значит жить вместе с героями, как с живыми людьми, любить их, любить их. Но творчески любить можно только собственных героев, и здесь неизбежно совершается подмена: писатель сообщает героям чужой рукописи те черты, какие он придал бы им, если бы сам писал этих героев. Слены явно неудачные писатель пишет сам.

Вложен большой и самоотверженный труд. Повесть написана, и ее хвалят. Понятно, это все же неудачная, искусственная повесть, но молодому автору делают скидку на молодость (еще один выдуманный метод поощрения литературы).

Что же произошло? Произошло нечто вроде переливания крови. Операция удаётся при условии, если кровь донора родственна крови пациента. Можно ли рассчитывать на родственность творческой крови? Однако и в этом случае операция не приносит ничего, кроме вреда для литературы. Если организм здоров, он не нуждается ни в чьей, даже родственной, крови — пусть развивается силой живой жизни, ему нужны только благоприятные условия для развития. Если организм нуждается в чужой крови — грех ему цена в литературе.

Практика работы с молодыми знает и другие случаи. Работник издательского аппарата наталкивается на рукопись, которая привлекает его внимание не своими литературными достоинствами, но обилием интересного житейского материала. Бывало, но не умеющий писать человек свалил в нее, как в копилку, все, что пережил и что запомнил из пережитого: и факты своей биографии, и встречи с людьми, и размышления о любимом деле, и свои наблюдения (природная ценность которых часто очень значительна), и мысли (часто высказывающиеся пылкими и свежими ум).

Тогда издательский работник зовет писателя, показывает ему рукопись и говорит, примерно, так: «Прямо грешно из всего этого не сделать... ну, скажем, романа, не возьмешься ли?»

Писатель берется или не берется. Если он берется, то книга рождается. Люди думают, что сделали доброе дело, а по существу, учинили бесстыдство: роман, написанный на чужом готовом материале,

всегда будет ремесленным романом, то есть романом, стоящим за порогом литературы. «Материал литератора, — справедливо говорит Горький, — такой же человек, какой сам литератор, с такими же свойствами, намерениями, желаниями, колебаниями вкуса и настроений». Происходит неосознанный и как бы обоюдноный плагиат: писатель «крадет» чужой материал, чтобы смастерить выдумку, нелепо выдуманную книгу; автор «крадет» умение писателя распределить материал по главам, придать рукописи подобие художественного произведения.

Кто от этого выигрывает? Писатель? Нет, потому что результат «механической» работы не может дать ему удовлетворения. Автор материала? Нет, потому что он так и не «научился» писать романы. Читатель? Нет, потому что книга получилась плохая.

Итак, за неверно понятого долга перед литературой все трое (издательский работник, автор материала и писатель) впадают в грубую ошибку. А выход напрашивается простой: позвать добросовестного и знающего редактора, с его помощью систематизировать материал, удалить оплошности слога, и мы имеем бы неоспоренный, интересный человеческий документ, записки интересного советского человека. И книга эта, безо всякого беллетристического грима, читалась бы с волнением и интересом, как читаются воспоминания участников гражданской войны, как читаются записки летчиков, актеров, ученых, стахановцев всех областей труда.

Все эти соображения возникают сейчас, когда комиссия союза писателей, созданная в помощь молодым, приступает к своей работе. Мы воюем за высокое качество литературы за ее советский расцвет, за ее славу, и полностью товарищеская, полезная и результативная помощь молодым есть долг писателей перед страной. Речь идет о тех же формах работы, которые беспроблемно и метко были бы в цель, о тех же формах, которые ее давали бы успехи.

В истории литературы есть много примеров прекрасных творческих содружеств: Флобер — Мопассан, Пушкин — Гоголь, Чехов — Горький, Короленко — Чехов. Но это была пора, когда литература делалась единичными. Условия нашей жизни таковы, что таланты у нас не «выбиваются», а свободно выходят на дорогу, чтобы, при любящем внимании общества, раскрыть себя во всю силу, всей своей силой служить обществу. У нас очень обширный творческий плацдарм, обоим — социалистическое общество. Работа на таком творческом плацдарме требует усилий всего писательского коллектива, союза писателей в целом.

Самое бедное ознакомление с пометками Горького на рукописях писателей показывало, с какой глубокой бережливостью Горький подошел к индивидуальным свойствам языка каждого писателя. Не глумит индивидуальности, но помочь ей раскрыться в своем своеобразии — вот основная черта Горького-редактора.

Эти заветы величайшего друга писателя необходимо положить в основу нашей работы с молодыми. Заочные консультации, личное общение с молодыми должны прививать начинающим писателям убеждение в том, что без деятельного участия в жизни, без знаний, без уважения к литературе, без личного совершенствования таланта — пустышка; что как бы пышно и красиво писал писатель, не получивший художественного произведения, если сам начинающий сложит руки и будет ждать, что все сделают за него добрые люди. Дело писателя и консультанта — выработать новый талант, помогая ему раскрыться, но не осуждая ему в долг монетки из запасов своей опытности.

Также думается, что в практику работы комиссий следует ввести и деловую заботу о молодых. Представляется необходимым, чтобы члены комиссии, постоянно работая с писателем, зная каждую его строчку, помогал бы ему и в его первых практических шагах, оберегал от тех печальных мытарств, через которые прошел, скажем, Крымов, автор талантливой повести «Ташвер Дербент».

Ставя эти, далеко не исчерпывающие вопросы, мы просим писателей — начинающих в том числе — широко высказаться по ним. Мы подошли ко времени, когда истинная дружба опыта и молодости является испытанным средством повышения веса и значения советской литературы. Советская же литература кровно заинтересована в том, чтобы у нас было все меньше плохих, все больше хороших книг.

ЭРНЕСТ ХЭМИНГУЭЙ К германскому народу

Эрнест Хемингуэй обратился к германскому народу по радиопередачке Свободы со следующим воззванием:

«До сих пор я говорил по радиопередачкам, установленным в студиях больших радиоконцертов. Сегодня, как мне сказали, мою речь прочтет человек, у которого достаточно мужества, чтобы говорить своему народу правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Я счастлив, что существует такая возможность и жму руку этому незнакомому товарищу. Но в то же время, откровенно говоря, меня печалит твой судья, германский народ.

Как охотно бродил я по твоим горам, беседовал с твоими крестьянами, восторгался их юмором! Как охотно ходил я по северным кварталам Берлина, встречался с рабочими, с интеллигентами, слушал их сильную, остроумную речь! Как все стремилось тогда вперед! И неужели все это кончилось? Неужели никто не имеет больше права говорить о том, что думает? Неужели писатели покорились и прекратили ничего не писать, чем рисковать говорить правду? Я не хочу этого верить и все же знаю, что это так. Но я знаю также, что это не будет продолжаться вечно.

Почему? Потому, что нельзя вечно дурить целый народ. Потому что всегда, в прошлые века, у Германии было что сказать миру, и мир и теперь жлет от нее этого.

Весь мир смеялся, когда боксер-негр побил «арийца» Шмелгина. Ни у кого из нас не вызывает смеха чье-либо поражение в спортивных состязаниях; но смеются, и вполне резонно смеются, когда официальные власти страны заявляют, что матч бокса является критерием хорошей или дурной расы.

Прошло время, когда говорили о превосходстве одного народа над другим, и даже фашистам не удалось вложить людям

эту идею; народы хотят быть равными и жить рядом на равных правах. Они не хотят уничтожать друг друга ради чванов. Так думает и германский народ. Он всегда будет думать так. И наступит день, когда он поведет войну, единственную, которую еще стоит вести, войну против фашистской тирании, чуждой его стране. И тогда мы все должны будем помочь ему. Чтобы создать истинную Германию. Чтобы обеспечить мир во всем мире.

И чтобы никто из моих германских друзей не повел меня превратно, когда он услышит эти слова, я хочу совершенно ясно заявить следующее:

Этим летом я был свидетелем наступления испанской республиканской армии у реки Эбро. Там я видел немцев, которые летали на гейнхельях и юнкерах; они полагались в огромном количестве над мирными деревнями, сбрасывая бомбы, превращали в развалины крестьянские дома, сжигали урожай и затем, как можно скорее, не принимая боя, улетали обратно к своему Франко, едва только на горизонте показывались республиканские летчики. А внизу, вдоль берега Эбро, навстречу все опасностям шел батальон Тельмана и другие немецкие батальоны.

Они рисковали всем, знали, что в плену им грозит смерть, но они выполнили свое задание, пошли в наступление и победили. Они заботились о беженцах из разрушенных деревень, кормили их, брали к себе детей, они делали добро там, где юнкерам было зло.

Это были истинные, достойные уважения немцы. Те немцы, которых мы любим. Те немцы, которых миллионы в Германии, в этом мы уверены. Я шлю привет этим немцам и проклинаю тех, которые сидят в юнкерах, а также и тех, кто послал в Испанию трусов бомбометателей. Вот и все».

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

ПОГРОМ

Весь мир ломает себе голову над тем, каковы скрытые причины погромов, организованных теперь правительством Третьей империи.

Газеты и так и этак. Не был ли эффект от разбойничьего нападения на Чехословакию поводом к новому маневру для отвлечения народного негодования от истинных виновников всех бед? Не надеются ли фашисты с помощью конфискации остатков имущества евреев хотя бы временно выпутаться из финансовых затруднений, которые в результате аннексии Австрии и ограбления Чехословакии лишь увеличились? Эти доводы не кажутся мне убедительными. Если бы фашистское правительство, организуя погромы, исходило из политической или экономической целесообразности, то погромы не было бы. Ибо вред и убытки от погромов (это понятие теперь даже фашистскому правительству) не находится ни в каком разумном соотношении с ожидаемой выгодой.

Нет, за этими утонченными поговорами не скрываются никакие утонченные расчеты. Правильнее рассматривать их как проявление безразудства, страха и отчаяния.

Многие склонны приписывать руководителем Третьей империи необычайную ловкость и политическую тонкость. Это ошибка. Не только разработанные политические планы, но политическая интуиция обусловили успех фашистов, а исключительно только слепая, перепитанность и разобщенность их противников.

Погромы в Германии, которые мы теперь с ужасом наблюдаем, это всего лишь проявление диких, темных инстинктов фашистских владык, их слепой жестокости и вандализма.

Представьте себе со всей ясностью подробности последних погромов. Народ Германии присутствует, лишен продуктов питания и товаров, и в это время бессмысленно уничтожают материальные ценности на десятки миллионов.

Правительство, сложив руки, озорничать не смотрит не только на то, как грабят еврейские магазины, но и на то, как открыто продают или обменивают похищенные вещи. Разве в таком разрушении самих элементарных общественных устоев есть какая-то политика? Логика? Эвристика, утонченно мучают и истязают женщин и детей, которых при всем желании нельзя обвинить в связи с какой-либо политической группой и в которых даже пытки нельзя выжать денег; население приказывают не продавать молока для кормящих матерей и для еврейских младенцев. Разве это политика?

Фашисты, несмотря на успехи, которые выпали на их долю из-за слабости их противников, несмотря на присоединение Австрии и части Чехословакии, чувствуют себя все менее уверенными. Они боятся серьезной борьбы, боятся своего собственного народа. Безудержными насилиями над несколькими сотнями тысяч беззащитных еврейских жертв они хотят доказать себе самим и народу свою мощь.

Было бы хорошо, если бы не только одни фашисты, но и их противники, приверженцы разума, поняли бы и глубоко почувствовали бы, что фашизм отнюдь не непобедим. Ласковые угрозы — не единственное средство усмирения дурно воспитанного. Надо применить более действенные методы — вырвать революльер из рук сумасшедших и надеть на них смирительные рубашки.

На днях в Париже была организована выставка «Свободное германское искусство». Здесь были показаны картины передовых германских художников, которые подвергались гонениям со стороны фашистского варваров.

Рисунок А. Каневского

ПОДГОТОВКА ЭКСПОНАТОВ ДЛЯ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ.

За пять дней

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

20 декабря Т. И. Уткин ознакомил бюро президиума союза советских писателей со своими новыми стихотворениями.

Поэт прочел более 20 небольших стихотворений, объединенных им в циклы: «Московские стихи», «Сибирские песни», «Эхо» и «Стихи о потерянной собаке».

Выступавшие в прениях С. Шипачев и Ю. Любимский указали на незначительность тем большинства стихов. Эти стихи быстро забываются.

— Во многих из прочитанных стихотворений, — замечает С. Шипачев, — нет зерна мысли, т. е. того, что отличало стихи Фета и Тютчева от стихов эпигонов.

— У нас установился неправильный метод в обсуждении стихов, — возразил А. Фазеев, — мы обязательно подкладываем к поэтам с чужой меркой, упрямая их в том, что, мол, пишут они не как Тютчев, не как Байрон, не как Маяковский. Мы же должны искать в произведении поэта индивидуальные черты, его собственное, новое отношение к миру, новые чувства. Многие в стихах Уткина мешает наслаждаться им. Небрежное отношение к слову, или же неумение чувствовать слово, порождает неточности в языке, ружущие слух неправильности в отдельных стихах. Есть слова и даже строки, обязательность которых в стихотворении не ощущается, они как бы шатаются. Некоторые из прочитанных стихов могли быть написаны и двадцать лет назад, скорее даже именно тогда, например, стихи «О потерянной собаке». Нет в них колорита времени — этого основного признака лирического поэзии.

— Стихи Уткина, — заканчивает свое выступление А. Фазеев, — мне нравятся, но не все. Хороши «Кассир», «Замешалка», «Пляс» и «На берегу Волги».

— Короткие лирические стихи — это очень трудный жанр. Как ни странно, короткие вещи Уткина кажутся подчас длинными, их хочется еще сократить, — говорит Т. Катаев. — Уткин соединил требования двух жанров — эстрадного и интимного. Небрежность в языке поэта особенно заметна потому, что стихи его коротки. Это легко устранимые недостатки.

А. Караваева отметила лирическое наполнение стихов поэта, их нежность и иронию. Однако, замечает А. Караваева, ирония заглушает нежность порой и в тех случаях, когда это вовсе и не нужно. Во многих стихотворениях не хватает тех острейших психологических деталей, которые позволили бы сказать, что стихи написаны в 30-х годах XX века.

— Стихи Уткина, — сказала В. Герасимова, — неравнодушны. Мне не нравится та серия стихов, которая как бы относится к «коллегам мужчинам». Интонация эта — невысокого плана. В этих стихах есть и оттенки пошлости.

В прениях выступали также П. Павленко и Л. Соболев.

Следует отметить, что на чтение новых произведений Уткина почему-то присутствовало очень мало поэтов. Это сказалось на характере обсуждения.

На этом же заседании от имени союза советских писателей Киргизии Т. Малков внес предложение организовать секцию литературы в отдельных республиках, с тем, чтобы, выйдя на них лучших авторов слова, устроить в Москве 5 декабря 1939 г., в день Конституции, общий декадний писателей и поэтов всех братских республик. Это предложение было принято, но только без уточнения срока заключительного декадника.

По докладу В. Гольцева президиум утвердил дополнительные мероприятия для увековечения памяти В. Маяковского. Решено в срочном порядке приступить к переносу и восстановлению в прежнем виде дома в Багдади, где жил Маяковский. В комнатах этого дома будет устроен музей. Кроме того, будет открыт в Кутайском музее уголок Маяковского. Президиум постановил ассигновать денежные средства на осуществление этих мероприятий.

Было принято также предложение т. Сураева о создании комитета по празднованию 80-летия со дня рождения поэта Северная Осетия Коста Хетагурова.

В комитет вошли тт. Павленко (председатель), Твардовский, Уткин, Слетов, Дроздов, Первомайский, Мосашвили, Казин, Самуилов, Наголов и Порев.

В конце заседания Ю. Любимский доложил о неправильном исключении из союза писателей Южной Осетии драматурга К. Кубатова-Балаева. Анализ пьес драматурга показал тенденциозность и живость инкриминируемых ему обвинений. Президиум, отметив бездушие отношение к т. Кубатова-Балаеву со стороны союза советских писателей Южной Осетии, предложил пересмотреть этот вопрос.

НА СОВЕЩАНИИ ПО РЕПЕРТУАРУ ЭСТРАДЫ

Два дня длилось в Московском клубе писателей совещание авторов, пишущих для эстрады.

Первый день был занят докладом П. Чекина (Москва) и В. Владимировой (Ленинград). Второй день — прениями.

Тов. В. Владимировой рассказала о творчестве ленинградских авторов эстрады и о работе эстрадной группы драмсекции ЛенССП. Ленинградская эстрадная группа долгое время жила замкнуто, оторвано от широкой писательской общественности. Теперь в нее вовлекаются новые люди — опытные писатели и поэты и способная литературная молодежь. В настоящее время в ленинградской эстрадной группе — писатели М. Золотко, А. Гитович, А. Прокофьев, Л. Антиль, А. Фигт, Д. Цензор и другие.

П. Чекин, намеревавшийся сделать обзорный доклад на тему «Эстрада в 1938 году», задачи своей не выполнил, как он и сам признал это в заключительном слове. Обзор творчества московских авторов, сделанный П. Чекиным, был основан на случайном подборе имен, характеристике, данные докладчиком, звучали не всегда достаточно убедительно.

В прениях участвовало около 15 человек, но, несмотря на большое количество выступавших, творческие вопросы, волнующие писателей, работающих в области эстрады, так и не обсуждались.

Были на этом совещании и деловые, принципиальные высказывания, например, о слабом развитии таких жанров, как дубок, частушки, куплеты, о низком качестве произведений для эстрады, о существующей до сих пор взаимной амнистии среди авторов. Но эти высказывания потонули в общих рассуждениях автора о «сценифике» эстрадного творчества, о преобладании к эстрадным авторам со стороны критики и широкой писательской общественности.

Прав был тов. Фалковский (Главрепертук), говоря, что прения ни в какой мере не отразили состояния современной советской эстрады. Она значительно богаче, интереснее, тематически разнообразнее, чем это можно было заключить из прений.

В том, что собрание эстрадных драматургов прошло очень плохо, повинно бюро драмсекции. Ни один из членов бюро не принял участия ни в подготовке, ни в проведении этого собрания.

«ВЫБОР»

Новая пьеса Ивана Кочерги

КНЕВ (наш нар.). На собрании секция драматургов союза советских писателей Украины Иван Кочерга читал свою новую пьесу «Выбор» («Выбор»). Действие пьесы происходит в наши дни, в кругу советской интеллигенции.

Обсуждение пьесы прошло очень оживленно. В обсуждении участвовали С. Головановский, В. Сосюра, В. Суходольский, М. Талалаевский.

ВЕЧЕР ПЕСНИ

Товарищеский вечер поэтов и композиторов в Московском клубе писателей прошел с большим подъемом.

Металлисты, железнодорожники, текстильщики, горнорабочие — каждый отряд трудящихся хотел свои песни. Народ любит петь. Он хочет петь романсы, любовные, востальные, шуточные песни, песни на любую тему. Хорошая песня должна зазвучать и в эстраде.

— У нас много сделано, — говорит т. Лебедев-Кумач, — в области массовых, народных, боевых песен. Значение этих песен огромно. Песня воодушевляла, веселила, ободряла. С ней шли красноармейцы в бой у озера Хасан, с песней они победили. Но нельзя ограничиться только массовыми песнями, нужна еще песня интимная. Культурное значение песни огромно, и здесь нужно указать на то, что к созданию песни часто относятся поверхностно и небрежно. Появилось немало песен неудачных, в которых и поэты и композиторы обнаруживают свои недостаточные квалификации. Это относится, в особенности, к эстрадной песне. С этим мы все должны бороться. Творческая дружба поэтов и композиторов — залог того, что мы преодолеем все трудности и создадим песни, достойные своего народа.

Композитор Г. Г. Крейтнер предъявил серьезный счет к поэтам и композиторам.

— Во многих стихах, — говорит Г. Крейтнер, — написанных по равному поводу, встречаются общие фразы, общие декларации и нет поэтического образа. Словесная палитра искусственно обедняется. Нет сюжета в песнях, а между тем сюжетные песни, как, например, «Брат за брата» В. Лебедева-Кумача или «Партизан Железняк» М. Голодного получили наибольшую популярность. Необходимо добиваться четкости и лаконичности образа, внутренней динамики, метрического многообразия.

В заключение т. Крейтнер высказал мнение, что песня выиграла бы в своем качестве, если бы раньше была написана музыка, а затем уже к музыке — текст.

Закончился вечер музыкальной иллюстрацией песен лучших советских поэтов и композиторов. Исполняли песни артисты А. Алексеев, Е. Бендик, А. Окаемов, Н. Рождественская и В. Хлыновская.

ШВЕДСКИЙ ХУДОЖНИК АЛЬБИН АМЕЛИН В МОСКВЕ

Сейчас в Москве находится Альбин Амелин, один из передовых художников Швеции, автор картины «Иллюминация генерала Франко», приобетованная в прошлом году для советских музеев и экспонируемая в Музее революции. В прошлом же году в Музее новой авангард живописи состоялся выставка его работ.

А. Амелин приезжает в СССР вторично. А. Амелин рассчитывает провести некоторое время в СССР и ознакомиться с московскими музеями и художественной жизнью столицы.

19 декабря во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей А. Амелин встретился с рядом советских художников и деятелей искусства. В беседе принял участие заслуженный деятель искусств А. Герасимов, С. Герасимов, П. Кончаловский, И. Павлов, Д. Штернберг, П. Кузнецов, художники Г. Рязанский, В. Сварог, Н. Денисовский и другие, а также известный испанский художник Альберто Саачес.

Литература на казахском языке в 1939 г.

Недавно состоялось открытое партийное собрание советских писателей Казахстана с участием писателей-комсомольцев и беспартийных. Собрание обсудило план издания художественной литературы на 1939 год.

Намечено издать на казахском языке следующие произведения из классиков мировой и русской литературы: Л. Толстой — «Воскресение» и «Хаджи-Мурат», Достоевский — «Преступление и наказание», Гончаров — «Обломов», Лермонтов — «Избранные поэмы», Тургенев — «Отцы и дети», Горький — «Детство» и «В людях», Д. Лондон — «Мартин Иден», Стивенсон — «Остров сокровищ» и др.

Из произведений советских писателей намечены к изданию на казахском языке: А. Толстой — «Пепр Первый», М. Шолохов — «Тихий Дон». Кроме того пред-

лагается издать обширную антологию поэзии народов СССР.

Гослитиздат Казахстана предполагает выпустить в массовом издании произведения народных акынов Казахстана о Ленине и Сталине и второй том стихов и песен Джамбула.

Из детской литературы намечено издать: «Маленькие испанцы» Е. Кононенко, «Волшебные сказки» Перро, «Рассказы о животных» Л. Толстого, стихи К. Чуковского.

Новый план предусматривает также издание большого количества сборников рассказов и повей казахских писателей и писателей братских республик.

Собрание вынесло решение обсудить план Гослитиздата Казахстана на городском собрании писателей совместно с представителями советской общественности.

Ю. ДАНИЛИН

Эжезипп Моро, в отличие от современ...

Таким же сторонником народного вос...

Позд, уменьшился по-детски наивно раз...

Этому народу, вечно страдающему, на...

не; на божество (ты требуешь любви...

Естественный из всех революционных п...

Сотрется даже след великого Солома...

И молодость моя в минуты роковые...

Моро веде и всюду пропагандирует ре...

пеную ненависть реакции. Его травли...

В последние годы буржуазная реакц...

В 1838 году Моро получил возможн...

Таковы были условия литературного...

В своих последних песнях Моро горьк...

Судьба Эжезиппа Моро не может не т...

УРОКИ РАБОТЫ ОДНОГО ПАРТКОМА

Год назад было разоблачено вражеск...

Новый секретарь парткома при разбо...

Казалось бы, что, осудив так сурово...

Как же могло случиться, что сейчас...

Партийный комитет должен был точно...

коммуниста — редактор дошкольной л...

Трудно думать, чтобы все члены парт...

Система осталась неизменной, партко...

А сигналы продолжали поступать.

В порядке оздоровления аппарата Анд...

Старый инженер, технолог, т. Мирин...

— Вы хороший работник, крупный сп...

Атмосфера в издательстве продолжал...

Редакторы не знакомы с планами вс...

В издательстве никогда не проводи...

Недавно партком Детиздата был вын...

На другой день Андрей был снят с р...

И вот секретарь парткома т. Кирпил...

В своей другой статье в ответ на...

Образаясь к Мирзе Юсуф Хану, кот...

«Вами мыслится так, что как будто...

После этого народ сам соответственно...

риллава принялась перечислять мнимы...

«Не благодушны нам нужно, а бдитель...

При в издательство Пыпина № 2, —

Но сейчас в организации пришел враг...

«...многие наши парторганизации и их...

Это и явилось основной причиной по...

Партком пришел на последнее все п...

Но только ли Кирпиллова виновата? В...

Член парткома т. Пискунов и на парт...

Большое возмущение собрания вызвал...

«Иформацию Андрея принять к свед...

На другой день Андрей был снят с р...

И вот секретарь парткома т. Кирпил...

В своей другой статье в ответ на...

Образаясь к Мирзе Юсуф Хану, кот...

«Вами мыслится так, что как будто...

После этого народ сам соответственно...

Теперь мы издаем все сочинения Аху...

«БОГОРОДИЦА»

Г. АЛЕКСАНДЕР

Эптон Синклер не раз разоблачал мо...

О жизни матери Иисуса — бедной к...

Читатель знакомится с Марией в то...

И вот Мария в каком-то странном, г...

Однако она ошиблась, здесь нечто со...

Уптон Синклер. «Our Lady» Pasadena, California, 1938.

Мария — орудие какого-нибудь врага...

Отец О'Доннелл отвозит Марию в же...

Желаю показать, что «Богородица» —

Но партком был глух ко всем сигнала...

На каждом собрании Андрей прозвон...

— Разве может такой человек быть...

Если бы партком прислушивался к го...

Несколько раз в партком обращалась

Мария — орудие какого-нибудь врага...

Отец О'Доннелл отвозит Марию в же...

Желаю показать, что «Богородица» —

Но партком был глух ко всем сигнала...

На каждом собрании Андрей прозвон...

— Разве может такой человек быть...

Если бы партком прислушивался к го...

Несколько раз в партком обращалась

«Алфавит мой лет через сто займет...

Все духовенство подняло шум против...

Великая Октябрьская социалистическая...

Он утверждал, что мир — материаль...

«Вся вселенная, — читаем мы, — е...

«Она (материальная наша вселенная...

Мирз Фетх-Али — великий атеист. Он...

слажене отнош не могут служить при...

Значит, не религия, не страх перед...

Фетх-Али призывает народ к борьбе...

Большого внимания заслуживает по...

«Вами мыслится так, что как будто...

После этого народ сам соответственно...

Теперь мы издаем все сочинения Аху...

пем нового мира, и Восток будет пох...

Бессмертные революционные притвез...

Ахундов не удалось издать свои ф...

Духовенство, фанатизм и парские ч...

Враги народа, фанатские шпионы, в...

«Вами мыслится так, что как будто...

После этого народ сам соответственно...

Теперь мы издаем все сочинения Аху...

ВАХИД ЗАХИД

МИРЗА ФЕТХ-АЛИ АХУНДОВ

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Великий борец за свободу народа, на...

В Азербайджане известный мусульма...

В таких условиях протекало детство...

1837 год. Мирза Фетх-Али первый из...

Литературная газета № 71

знал погибшего великого русского по...

Своими драматическими произведения...

Мирза Фетх-Али почти во всех своих...

Ахундов, подобно Вольтеру, считал, ч...

1851 — 1852 годы, Ахундов написал...

Эта идея не осуществилась при жизни...

выступает как большой реалист, демок...

Своими драматическими произведения...

Мирза Фетх-Али почти во всех своих...

Ахундов, подобно Вольтеру, считал, ч...

1851 — 1852 годы, Ахундов написал...

Эта идея не осуществилась при жизни...

«Алфавит мой лет через сто займет...

Все духовенство подняло шум против...

Великая Октябрьская социалистическая...

Он утверждал, что мир — материаль...

«Вся вселенная, — читаем мы, — е...

«Она (материальная наша вселенная...

слажене отнош не могут служить при...

Значит, не религия, не страх перед...

Фетх-Али призывает народ к борьбе...

Большого внимания заслуживает по...

«Вами мыслится так, что как будто...

После этого народ сам соответственно...

пем нового мира, и Восток будет пох...

Бессмертные революционные притвез...

Ахундов не удалось издать свои ф...

Духовенство, фанатизм и парские ч...

Враги народа, фанатские шпионы, в...

«Вами мыслится так, что как будто...

«История одного отряда»

В повести Г. Фина говорится о напряженных и трагических днях.

Самодельный и самодельный отряд в Финляндии. Рабочая революция, разлагающаяся финская буржуазия, соприкоснувшись с кровью немцев, шведов, русской белогвардейщины, революция, преданная Троцким.

Вдохновленные примером русского народа, трудящиеся Финляндии взяли власть в свои руки в большей части страны. Памя работ революция охватила всю страну, промышленную часть Финляндии, главные центры — Гельсингфорс, Выборг. Революция предшествовала ноябрьской всеобщей политической забастовке, ликвидированная «Революционным комитетом», в состав которого входили представители партийного и профсоюзного руководства и представители парламентской социал-демократической фракции, стремившиеся вернуться на путь буржуазной борьбы.

В начале января буржуазное правительство Свинхувуда-Свиноголового, укрепившись на севере Финляндии, начало наступление при поддержке немцев, шведов и русского белого офицества. В апреле, после местной героической борьбы, рабочая революция Финляндии была сломлена. Мужественные, но недостаточно вооруженные, не владевшие военной техникой финские красногвардейские отряды не смогли противостоять силам высочайшего двадцатипятилетнего немецкого экспедиционного корпуса.

В повести Фина история финляндской революции показана на примере истории одного отряда.

Герои «Клятвы» — юноши, охваченные, на личном опыте, постигающие теорию и практику революционной борьбы, а девушки, верные державные в руках винтовки. Отвага, вера в победу, ненависть к предателям, вот материал книги. Как обширен и богат этот материал, как почетна задача писателя, пытающегося воскресить тех, кто «свое земное, нежданный на земле, свое неодоимое».

«История одного отряда» дает правдивое представление о тех днях и мести, о причинах гибели финляндской революции, о колебаниях и откровенном предательстве социал-демократов — проповедников бескровной борьбы, о настроениях рабочих, жалко читающих слова товарища Сталина, призывающего их к бою. В этом — несомненная ценность повести.

Но читая эту книгу о замечательных событиях и борцах за революцию, читатель далеко не всегда захвачен рассказом. Очень часто он остается слушателем истории «славы минувших дней», а не свидетелем кипучих событий. Почти на всем протяжении повести между читателем и героями стоит какая-то тонкая, но досадная преграда, мешающая непосредственности восприятия.

Она трагическая сцена в повести сменяется другой. Все описано подробно, как будто даже взволнованно. Но когда отныне герои повести — Марта — тяжело ранят, читатель не предостерегает лихорадочно странной книги: жила ли?

Между тем обая Марты нельзя назвать фальшивым. Нет, общие очертания, контуры его намечены правильно. Правильно намечены характеры других персонажей: Ивара, Ганнеса, Аино. Но все эти образы не завершены. Они нуждаются еще в каком-то последнем усилии писателя, в дыхании, которое согрело бы их и сделало живыми.

В кино или в театре незавершенное автором завершил бы актер. Актер сообщит бы характерные особенности Ганнесу, актер придаст бы русскому матросу Петре индивидуальные особенности, которые бы отличили его от десятка других веселых и храбрых матросов наших спектаклей и фильмов. Но ведь «Клятва» — книга, предназначенная для чтения...

Мы не вправе назвать персонажей «Клятвы» романтическими условными, автор все же время от времени прибегает к реалистическим подробностям.

И вместе с тем что-то стоит между читателем и героями «Клятвы». И, кажется нам, это «что-то» происходит своим отчасти обязано оттенку кинематографичности, который по временам возникает в повести.

Словарий принято писать «красиво». Но сценарные «красивости» — дело внутреннее, семейное, они для немногих, читающих сценарий. К зрителю эта ритмическая проза доходит, претворенная в музыку, пейзаж, жест...

Иное дело в книге. Здесь «красивость» у всех на виду, во всей своей претенциозности, с многочисленными «и» в начале строки и «о» с восклицательными знаками. Вместо того, чтобы настраивать читателя на соответствующий лад, она расхолаживает. Особенно неуместна «красивость» там, где действие само по себе достаточно напряжено.

Большое производят на нас особенно сильное впечатление, когда оно просто. Читателя зачастую отталкивает от героев «Клятвы» излишне торжественный тон сочувствования, отсутствие простоты.

Один из эпизодов повести: ночью, во время боя, горбун Симха читает красногвардейцам стихи. Читатель знакомится с этими стихами, читатель понимает, как жалею и напряженно слушают стихи бойцы. Но автору, повидимому, это кажется недостаточным. Он считает необходимым торжественно продекларировать от себя: «Так несколько раз ночью читал громко Симха горячие стихи... У того, кто слушал эти стихи, руки дрожали в винтовках, поход становился матчем, на сердце — теплее, и ясно было, что пережить эту ночь не так уж трудно...» и т. д. и т. д. Все это — в литературном отношении — не слишком свежо и, главное, совершенно излишне. Читатель взволнован и без того, он был бы взволнован еще больше, кабы не авторский «апас».

Герой и героиня любят друг друга. Их любовь замечательна. Читатель верит, что она замечательна, но автор не довольствуется рассказанным. Ему из теплых лирических слов он посылает в скобках: «В эти дни не могло быть между нами неправды... никогда не жил он так откровенно и полно и никогда он так не мучился и не радовался, как в эти дни, на которых каждый из нас был последним».

Торжественность подобных высказываний, не ставших стихами, но перешедших в прозу, вместе с претенциозными названиями глав («Слезы Ивара», «Марта! Марта!», «Русская женщина в черном» и пр.) придает повести колорит ложной романтики. Между тем весь материал повести по-настоящему романтичен и героичен.

Намерения автора понятны. Ему хотелось превратить свою повесть в песню, в поэму в прозе, не порывая вместе с тем с реализмом по в тех местах, где Геннадий Фин декларирует, персонажи его, вместо того чтобы стать героями эпоса, кажутся фигурами, поставленными на ходу.

А ведь стоит только автору заговорить простым языком, — перегородка между ним и читателем исчезает, и повесть приобретает живой и непосредственный интерес. Лучшие в книге сцены — дневник ученого Ивара, дневник, который ведется в тюрьме. Здесь возникает подлинное человеческое волнение, живой голос, голос настоящей прозы, которая не нуждается в стиховом ритме и словах с прописными буквами. И как радостно было бы читателю, если бы продолжение повести, вторая книга, которую обещает в своем послесловии автор, была бы написана энергичным языком такой прозы.

Великое внимание уделено партией и правительством и росту литературной науки. Свидетельством этого является создание Института мировой литературы Академии наук, а также организация в Академии наук специального отделения языка и литературы, в состав которого в ближайшее время войдут вновь избранные пять академиков и 10 членов-корреспондентов.

Рост литературной науки проявился в работе Академии наук над историей русской и западной литературы (часть трудов этой работы уже подготовлена), а также над вузовским курсом, освещающим развитие русской литературы от древней письменности до наших дней. Все эти факты, свидетельствующие об огромном внимании нашего государства к литературной науке, до сих пор не заставили задуматься многих литературоведов и критиков, входящих в союз писателей, и в особенности тех из этих товарищей, которые вернее литературные журналы. Вместо того, чтобы мобилизовать ученых-литературоведов на исследование важнейшей проблемы, вместо того чтобы ставить острейшие теоретические проблемы, организовывая теоретический журнал — «Литературный критик» уделяет «литературоведению» столько же внимания и места, как и в предыдущие годы. На его страницах не проводится даже обсуждение занимавшихся всех представителей литературной науки вопросов построения схемы русской и западной литературы.

Кстати, о самом термине «литературоведение», совершенно непригодном в настоящее время, когда научные дисциплины строго классифицированы. В нашей статье речь идет именно о литературной науке, об истинно научной дисциплине — теории литературы, истории литературы, текстологии, библиографии и пр. У ряда литераторов, сделавших своей специальностью критику «литературоведческих» работ, все эти понятия безразлично спутаны. Поэтому они нередко требуют от ученого, профессионально занимающегося десятка лет текстологии, создания широкого историко-литературных концепций. Между тем требовать этого от профессионального текстолога все равно, что требовать от инженера по жилищному строительству создания проекта метрополитана.

Более того, идеальным является тип ученого, сочетающего в себе историка литературы, текстолога, библиографа, источниковеда. Однако трудно представить, чтобы ученый, исследующий творчество Л. Толстого, оторвался на 4 года на составление полной библиографии литературы о Толстом. Благодарности достойны и труд текстологов, кропотливо, буква за буквой, проверяющих для советских читателей произведения классиков, освободивших их от искажения парских цензоров и горе-редакторов. А труд этот не уязвляется еще достаточно в наших литературных журналах, посвященных специалистам этих дисциплин историко-литературной науки, больше внимания и пародий, чем деловых рецензий.

Однако вернемся к нашей теме. Несомненно, что и в работниках литературного фронта относятся указанные в постановлении ЦК ВКП(б): «... оставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их базисном смеле ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении нечеткости и буквализма, в вульгаризации и опешивании отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке творческого обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства».

В чем проявляется теоретическая слабость в области литературной науки? Прежде всего — в совершенно недостаточной разработке наследия классиков марксизма-ленинизма. У нас имеется, например, ряд статей, популярных научных высказывания Маркса, Энгельса, Ленина об искусстве и культуре, но нет исследований работ, использующих все наследие классиков марксизма-ленинизма для решения проблем литературной теории. Сотни и тысячи раз цитированы высказывания Ленина о Толстом, но до сих пор эти высказывания не послужили основой для развернутой монографии о Толстом.

Целый ряд блестящих указаний классиков марксизма истории литературы используют только для цитат, вместо того, чтобы на основе этих указаний, развивая их, двигать вперед науку. Разумеется, дальнейшая разработка вопросов марксизма-ленинизма теории может быть успешной только при сплоченной коллективной работе. Именно потому постановление ЦК ВКП(б) обязывает редакции теоретических журналов развернуть на своих страницах товарищескую дискуссии по вопросам теоретической литературы.

Важнейшим является тип ученого, который не может быть признан ученым, если он не занимается теоретическими проблемами. Это не означает, что теоретическая работа должна быть исключительной. Наоборот, теоретическая работа должна быть неразрывно связана с творческой практикой. Теоретик должен быть в состоянии объяснить творчество, а не просто описать его.

Испорченная книга

С. БОНДАРИН

Это страшно — построить флот, грозные великолентные корабли, потребовавшие годы труда, усердия, расчетов, выполненные ваджлы белой страны, и часть этого флота затопить в блокированном порту, а с другой частью быть разгромленным при первой же встрече с противником, ничем не оправданного недовольства существования, ничем не возместив своей гибели.

Эта коллизия не может не быть трагической-притягательной. Ощущение трагедии тем сильнее, чем больше узнаешь о героических подвигах и усилиях моряков, солдат и отдельных военачальников спасти флот, армян, честь русского оружия.

События 1904—1905 годов глубоко затрагивали умы и души современников. Люди, бывшие в те годы детьми, еще и теперь способны ощущать дух прошлого, и это ощущение трагического едва ли не сильнее чувств, пробуждаемых в нас произведениями на эту тему.

Литература еще не перервала память души. И память и воображение подсказывают больше, чем то, что говорит нам в книгах их автор.

Успех «Пусмы» Новикова-Прибоя бесспорен, а его литературная заслуга состоит в строгом отношении к материалу. В этой строгости безусловно проявился художественный такт автора, чувство меры, почтительность перед материалом.

Книга Новикова-Прибоя — серьезная, достойная книга, и, может быть, именно поэтому после «Пусмы» с еще большей жаждой разворачивается книга, в которой снова мелькают названия броненосцев тихоокеанских эскадр, имена участников войны и виновников распыления.

С таким чувством раскрыта книга С. Купера «День Марии». Но — увы — уже после первых глав глаза скользят по страницам слишком быстро, вот ты уже готов листать страницы, не дочитав их, а в конце книги тебя интересует лишь одна глава, намеченная и исполненная автором с наибольшей успехом — история строительства Тихоокеанского флота и события португальской морской кампании.

Да, эта линия может быть названа основной. Но ее сравнительная удача едва ли смывает общую неудачу книги, изобилующей именами людей известных и неизвестных, разнообразием событий, фактов, планов и намерений, но страдающей отсутствием важного качества — чувства меры и художественного чутья.

Неудача книги С. Купера объясняется прежде всего тем, что автор выбрал слишком трудный жанр, жанр так называемых больших полотен.

Автор знает классическое правило, что в произведении с большим количеством персонажей и сложными обстоятельствами выгодно рассматривать события с точки зрения их участников, судьбы которых в свою очередь помогают развитию фабулы. Судьба и характер литературного героя могут наполнить не одну страницу исторической эпопеи, — добавляет совпадения этих планов! Известны блестящие образцы умелого пользования этим приемом.

Этот прием привлекает и С. Купера, но весьма слабая способность его к изображению человеческих характеров и страстей, довольствование малым, поверхностность, приводят к результатам, не соответствующим замыслам автора.

Среди героев Купера не найти ни одного — ни среди именитых, ни среди безымянных, — кто привлек бы внимание своей художественной убедительностью, все они схематичны, а иные из них — просто пародийны. Временами кажется, что читаешь историю приключений в духе «Шестерых Лихтейсов», временами перед тобой страницы найпового романа из жизни великосветского общества. Найти этому подтверждение не трудно. Вот двое из многочисленных героев Купера: адмирал Алексеев, намеченный на Дальнем Востоке, и вконец Курреш, инженер, представитель ст-

ская спена, которая должна изображать нравы китайских монастырей и черты характера другого персонажа книги, адмирала Виттефта. Добродушный, доверчивый Виттефт во время карательной экспедиции видит в храме молодую девушку, заключенную в клетку. «Девушка-аскет» будет сидеть здесь, пока усердные прихожане не раскутят груди гвоzdей, наполняющих клетку. Виттефт готов купить сразу все гвоzdя, он говорит об этом заключенной, и вот девушка-китаянка, «спробовавшись полезным ходом в храм, где за установленной явственностью ее ждал жрец, зевнула восхищенно: — Вина! Какой-то чудак покупает все мои гвоzdя...»

Встреча в книге полюбимые анекдотические сцены — а их немало, заставляло призываться карандаш редактора: да, где же ты, красивый карандаш! Почему тебе не видно там, где ты действительно нужен? Вот отличный пример того, как важность редакторской строгости, вкуса, понимания возможностей автора, его направления, его силы и его слабости. Ясно проступает направление, в котором должна была бы идти редакторская работа. Придержись его, этого направления, — и книга, изобилующая поверхностными анекдотическими историческими отвлеченностями и авантюризм, преднамеренности добра и зла, вместе с большой строгостью приобрела бы и большую убедительность. История и судьбы, перепутанные в книге, не огульные настоящие знакомые жизни и характеров, производят впечатлительные рассказы с чужого голоса.

Нет, не детскому и неперитязательно беллетризовать материал, а укрепить его глубиной обработки, концентрируя, упрощая сложное к теме, в которой автор представляет себя с лучшей стороны, — это должно было служить предметом заботы автора и редактора. Без этого отдельные факты и исторические анекдоты, привлекательные автором, тоже кажутся замаскированными с чужого голоса, а иногда они просто ошибочны. Неверно, например, изображать дело так, что великий Менделеев был равнодушен к практическим результатам научной работы. Как раз по поводу первых опытов проложения путей через Ледовитый океан Менделеев писал следующее: «У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащую на берегу этого океана. Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Пусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, пришла бы во Владивосток, Якутия и Немское море и Пусиму, а главное, — было бы много опытных моряков, привыкших взрывать сопротивляющиеся массы, плавать под водой, и вести бой с природою и льдами силою осторожно-смелой предосторожности».

Плохо поработали и над стилем книги. Бываю ли можно писать так: «Донцы, выйдя бы копей в талом, почкались вперед». Или: «Пощипывая мелкие усски, инженер возбудженно спросил». Нехорошо писать: «Ура! — теснились орды матросов и офицеров». Неудобно бровенные скарды называть адрами.

Большое полотно не удалось, книга не вышла. Вину за эту неудачу с автором должен разделить его редактор. И если все же нельзя не быть благодарным С. Купера за намерение написать книгу по истории русского военного кораблестроения, книгу, которая могла бы быть интересной и поучительной, то редактор испорченной книги едва ли может разделить это чувство потенциальной благодарности. Издание книги Купера в ее настоящем виде пример того, когда редактор или издатель удовлетворяет лишь самый общий предмет, а идея, замысел, абстракция, которую у нас иногда называют темой, и все вместе — и автор, и редактор, и издатель — готовы принять повод для восторженной работы за достигнутой целью, а в объективном существовании вещей усматривают свою субъективную заслугу.

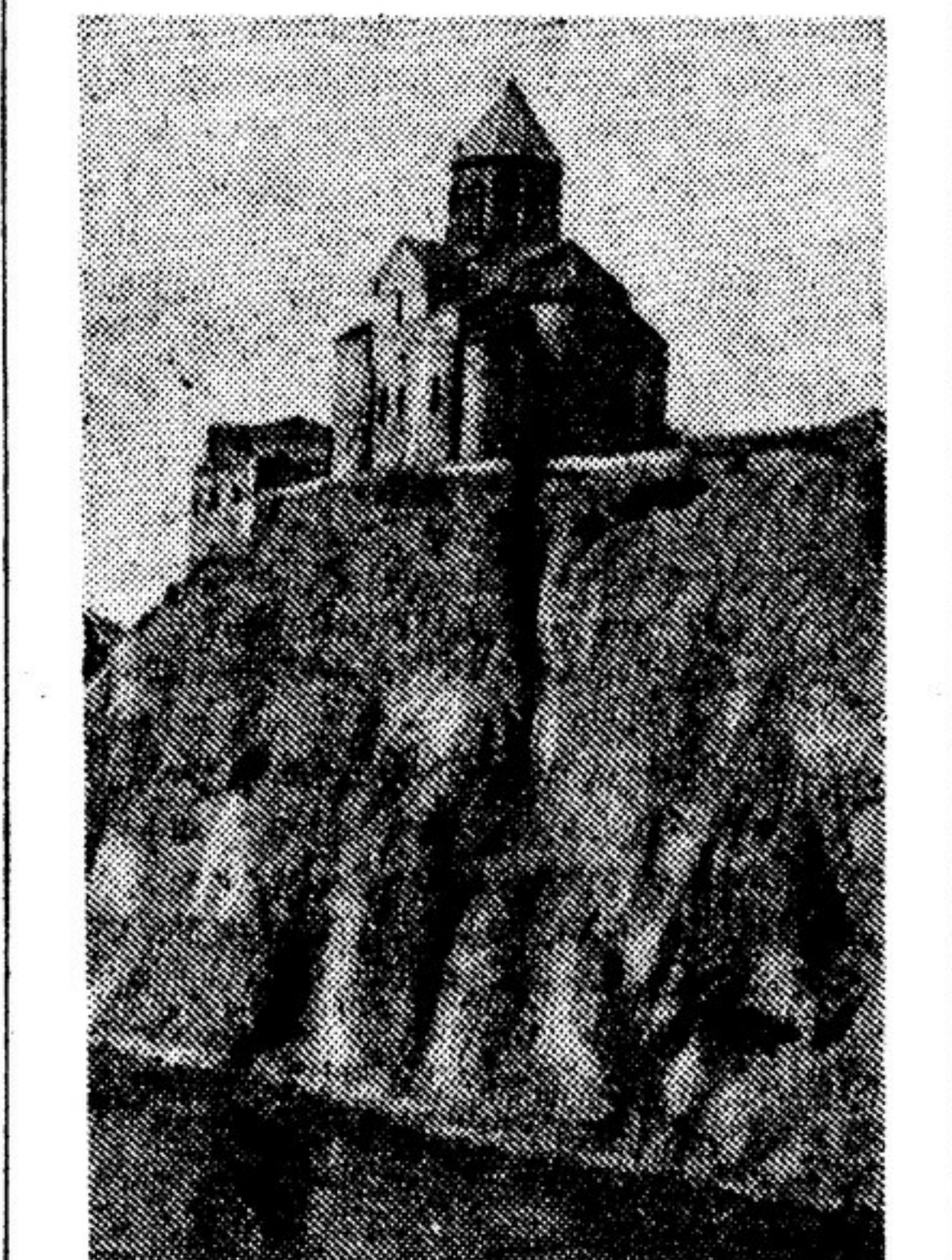
Встреча в книге полюбимые анекдотические сцены — а их немало, заставляло призываться карандаш редактора: да, где же ты, красивый карандаш! Почему тебе не видно там, где ты действительно нужен? Вот отличный пример того, как важность редакторской строгости, вкуса, понимания возможностей автора, его направления, его силы и его слабости. Ясно проступает направление, в котором должна была бы идти редакторская работа. Придержись его, этого направления, — и книга, изобилующая поверхностными анекдотическими историческими отвлеченностями и авантюризм, преднамеренности добра и зла, вместе с большой строгостью приобрела бы и большую убедительность. История и судьбы, перепутанные в книге, не огульные настоящие знакомые жизни и характеров, производят впечатлительные рассказы с чужого голоса.

Нет, не детскому и неперитязательно беллетризовать материал, а укрепить его глубиной обработки, концентрируя, упрощая сложное к теме, в которой автор представляет себя с лучшей стороны, — это должно было служить предметом заботы автора и редактора. Без этого отдельные факты и исторические анекдоты, привлекательные автором, тоже кажутся замаскированными с чужого голоса, а иногда они просто ошибочны. Неверно, например, изображать дело так, что великий Менделеев был равнодушен к практическим результатам научной работы. Как раз по поводу первых опытов проложения путей через Ледовитый океан Менделеев писал следующее: «У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащую на берегу этого океана. Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Пусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, пришла бы во Владивосток, Якутия и Немское море и Пусиму, а главное, — было бы много опытных моряков, привыкших взрывать сопротивляющиеся массы, плавать под водой, и вести бой с природою и льдами силою осторожно-смелой предосторожности».

Плохо поработали и над стилем книги. Бываю ли можно писать так: «Донцы, выйдя бы копей в талом, почкались вперед». Или: «Пощипывая мелкие усски, инженер возбудженно спросил». Нехорошо писать: «Ура! — теснились орды матросов и офицеров». Неудобно бровенные скарды называть адрами.

Большое полотно не удалось, книга не вышла. Вину за эту неудачу с автором должен разделить его редактор. И если все же нельзя не быть благодарным С. Купера за намерение написать книгу по истории русского военного кораблестроения, книгу, которая могла бы быть интересной и поучительной, то редактор испорченной книги едва ли может разделить это чувство потенциальной благодарности. Издание книги Купера в ее настоящем виде пример того, когда редактор или издатель удовлетворяет лишь самый общий предмет, а идея, замысел, абстракция, которую у нас иногда называют темой, и все вместе — и автор, и редактор, и издатель — готовы принять повод для восторженной работы за достигнутой целью, а в объективном существовании вещей усматривают свою субъективную заслугу.

Встреча в книге полюбимые анекдотические сцены — а их немало, заставляло призываться карандаш редактора: да, где же ты, красивый карандаш! Почему тебе не видно там, где ты действительно нужен? Вот отличный пример того, как важность редакторской строгости, вкуса, понимания возможностей автора, его направления, его силы и его слабости. Ясно проступает направление, в котором должна была бы идти редакторская работа. Придержись его, этого направления, — и книга, изобилующая поверхностными анекдотическими историческими отвлеченностями и авантюризм, преднамеренности добра и зла, вместе с большой строгостью приобрела бы и большую убедительность. История и судьбы, перепутанные в книге, не огульные настоящие знакомые жизни и характеров, производят впечатлительные рассказы с чужого голоса.

В ноябре исполнилось пятилетие со дня открытия Тбилисского музея искусств «Метехи». На снимке: Музей искусств «Метехи». (Фотохроника).

Александр Неверов

(1886—1923)

Александр Сергеевич Неверов (Скобелев) был одним из тех писателей, которые с первых же дней революции связали с ней свою судьбу.

Он ослепел в двенадцати лет. До двадцати лет, попеременно, то учась, то крестьянству, Неверов был тесно связан с деревней. Связь эта осталась неизменной и тогда, когда он кончил учиться и стал сельским учителем.

Еще двенадцатилетним мальчиком он начал писать стихи. В это же время с нескладными школьными товарищами образовал кружок, который назывался «Обществом тревых взглядов» и ставил своей целью борьбу против пьянства и борьбу за равноправие женщин.

Печататься Неверов начал в 1906 году. Мысли о неустойчивости, косности и шпите деревенской деревни определили направление его творчества в самом его начале и полностью победил прежде существовавшую у него склонность к поэтизации земледельческого труда как такового. О той, первой поре своей жизни, Неверов писал в своей автобиографии:

«Три отделения церковной школы кончал я лучшим учеником и решил сделаться крестьянином-пахарем... Крестьянская работа в поле казалась мне самой лучшей на свете и я... быстро научился пахать сохой, косить косой и пашти лопатой, и жать серпом».

С начала писательской деятельности он не перестает в своих рассказах и очерках бороться со всеми проявлениями дикости, отсталости и безразличия, которые превращают труд крестьянина в безрадостную, ожесточенную борьбу из-за куса хлеба.

Революция буквально открыла его. «Да, революция для нашего брата — клад. Время наше пришло! Дожидались! Пора и нам показаться!» — вот слова, которыми он определил свое отношение к ней.

И начиная с этого времени, его писательская энергия удваивается и его творческие возможности вырастают безмерно. Он печатается в десятках газет и журналов, пишет пьесы для красноармейских театров, романы, рассказы, стихи.

Новая, раскрепощенная деревня становится основной его темой. Его очерки всегда оперативны, его рассказы и пьесы всегда остры, всегда отвечают сегодняшним потребностям читательской массы.

«С выходом романа «Ташкент — город хлебный» Неверов становится знаменитым писателем. И все больше требования предъявляет к себе как к писателю, все больше творческие замыслы встают перед ним. В одном из своих писем он пишет: «Мы слышим только топот ног революции, но не знаем ее сердца. Вы понимаете меня? Я не философствую — плохой я философ, я тоже говорю с вами шутром. Я — коммунист. Часто браню, как обыватель слоних разводу, но когда садусь писать о коммунистах, я понимаю их, художник во мне побеждает обывателя».

«Поматаетесь по городу, по окрестностям, заслушаетесь, вальсуете, и потом уже садитесь за большую рассказ. Скажите как раз то, что вам хочется сказать. Скажите свежим хорошим голосом, и никто у вас не будет обиден, ни старички, ни девушки, ни ручейки, ни трубы заводские. Всем выйдает место в вашем сердце. И будет в рассказе радость и горе, и слезы, и смех, и горечь, ибо будет сама жизнь».

Неверов умер тридцати семи лет от разрыва сердца. Многие остались незавершенными в его творчестве, многое не было осуществлено. Но самое трагическое в его гибели — то, что он не увидел новой деревни, деревни радостного, коллективного труда, за победу которого он боролся всю свою жизнь.

М. ГЕОРГИЕВ

Б. МЕЙЛАХ

ЛИТЕРАТУРНАЯ НАУКА НА ПОДЕМЕ

Еще свежо воспоминание о тех временах, когда «литературоведение» (тяжелое слово, не отражающее сложного содержания науки о литературе) служило предметом непростых увещаний для разгневанных молодых из журналов «На литературном посту». Своевременное разговорики заправили дикое, кулиганское отношение к интеллигенции ярко проявилось в их «критике» людей, занимавшихся литературной наукой. Исследования по истории и теории литературы, текстологии, источниковедению — все это без разбора подвергалось обругиванию в разговорных журналах. Обидные получали лишь «труды» последовательных вульгарных сопологов, наиболее преуспевающих в своих стремлениях очернить, дискредитировать в глазах читателей великое наследие классиков.

Литературная РАПШ вылилась в начале подъема литературной науки. На протяжении следующих лет партия нанесла решительный удар по вульгарной соположке во всех областях общественной науки, разработала так называемую «школу» Покровского, фальсифицировавшую исторические факты. Указания руководителей партии по вопросам истории ВКП(б) окончательно определили пути развития всех общественных наук и, в частности, науки о литературе.

Развитие литературной науки и ее современное состояние не может быть понято без учета развития советской науки вообще. Еще недавно для некоторых представителей различных отраслей науки — общественных, естественных, технических — был характерен отрыв от практики, равнодушие к основным, важнейшим проблемам, уход в изучение мелких вопросов. При рассмотрении планов Академии наук СССР на 1938 г. в Союзном Комитете по этим вопросам было обращено особое внимание. В настоящее время при-

няты решительные меры для перестройки науки.

Большое внимание уделено партии и правительством и росту литературной науки. Свидетельством этого является создание Института мировой литературы Академии наук, а также организация в Академии наук специального отделения языка и литературы, в состав которого в ближайшее время войдут вновь избранные пять академиков и 10 членов-корреспондентов.

Рост литературной науки проявился в работе Академии наук над историей русской и западной литературы (часть трудов этой работы уже подготовлена), а также над вузовским курсом, освещающим развитие русской литературы от древней письменности до наших дней. Все эти факты, свидетельствующие об огромном внимании нашего государства к литературной науке, до сих пор не заставили задуматься многих литературоведов и критиков, входящих в союз писателей, и в особенности тех из этих товарищей, которые вернее литературные журналы. Вместо того, чтобы мобилизовать ученых-литературоведов на исследование важнейшей проблемы, вместо того чтобы ставить острейшие теоретические проблемы, организовывая теоретический журнал — «Литературный критик» уделяет «литературоведению» столько же внимания и места, как и в предыдущие годы. На его страницах не проводится даже обсуждение занимавшихся всех представителей литературной науки вопросов построения схемы русской и западной литературы.

Кстати, о самом термине «литературоведение», совершенно непригодном в настоящее время, когда научные дисциплины строго классифицированы. В нашей статье речь идет именно о литературной науке, об истинно научной дисциплине — теории литературы, истории литературы, текстологии, библиографии и пр. У ряда литераторов, сделавших своей специальностью критику «литературоведческих» работ, все эти понятия безразлично спутаны. Поэтому они нередко требуют от ученого, профессионально занимающегося десятка лет текстологии, создания широкого историко-литературных концепций. Между тем требовать этого от профессионального текстолога все равно, что требовать от инженера по жилищному строительству создания проекта метрополитана.

Более того, идеальным является тип ученого, сочетающего в себе историка литературы, текстолога, библиографа, источниковеда. Однако трудно представить, чтобы ученый, исследующий творчество Л. Толстого, оторвался на 4 года на составление полной библиографии литературы о Толстом. Благодарности достойны и труд текстологов, кропотливо, буква за буквой, проверяющих для советских читателей произведения классиков, освободивших их от искажения парских цензоров и горе-редакторов. А труд этот не уязвляется еще достаточно в наших литературных журналах, посвященных специалистам этих дисциплин историко-литературной науки, больше внимания и пародий, чем деловых рецензий.

Однако вернемся к нашей теме. Несомненно, что и в работниках литературного фронта относятся указанные в постановлении ЦК ВКП(б): «... оставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их базисном смеле ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении нечеткости и буквализма, в вульгаризации и опешивании отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке творческого обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства».

В чем проявляется теоретическая слабость в области литературной науки? Прежде всего — в совершенно недостаточной разработке наследия классиков марксизма-ленинизма. У нас имеется, например, ряд статей, популярных научных высказывания Маркса, Энгельса, Ленина об искусстве и культуре, но нет исследований работ, использующих все наследие классиков марксизма-ленинизма для решения проблем литературной теории. Сотни и тысячи раз цитированы высказывания Ленина о Толстом, но до сих пор эти высказывания не послужили основой для развернутой монографии о Толстом.

Целый ряд блестящих указаний классиков марксизма истории литературы используют только для цитат, вместо того, чтобы на основе этих указаний, развивая их, двигать вперед науку. Разумеется, дальнейшая разработка вопросов марксизма-ленинизма теории может быть успешной только при сплоченной коллективной работе. Именно потому постановление ЦК ВКП(б) обязывает редакции теоретических журналов развернуть на своих страницах товарищескую дискуссии по вопросам теоретической литературы.

Важнейшим является тип ученого, который не может быть признан ученым, если он не занимается теоретическими проблемами. Это не означает, что теоретическая работа должна быть исключительной. Наоборот, теоретическая работа должна быть неразрывно связана с творческой практикой. Теоретик должен быть в состоянии объяснить творчество, а не просто описать его.

При этом части нашей литературной прессы придется отказаться от привычных для некоторых литераторов методов шельмования и окриков по адресу автора, с точками зрения которых так называемые «ведущие» литературные критики несогласны. Наряду с усилением бдительности во всем антимарксистском, антилениншевистском извращениях и попытках прогнать вредные точки зрения редакции журналов (и в особенности «Литературного критика»), где так не любят мыслящих иначе, чем в аппарате редакции, должны быть возможность свободного обсуждения проблем марксизма-ленинизма литературной науки. Положение, при котором редактор относится к представленной работе по теории как школьные училка к классному «изложению», неприемлемо.

Решающее слово в вопросах теории принадлежит партии, а не заведующему «теоретическим» отделом журнала, который судит и рьяно от работ всех остальных смертных так, словно все призваны развивать только его, заведующего, собственные точки зрения.

Другим признаком отставания литературной теории является отрыв теории от практики. До сих пор еще не ликвидировано абстрактное логизирование, настолько распространено, что даже в программах Наркомпроса для вузов теории совершенно вытравлено от историко-литературных фактов. Не исследуются такие важнейшие для истории литературы проблемы, как народность, реализм, романтизм. До сих пор в содержании этих понятий царит левоборозная путаница. Термин «народность» стал у некоторых литераторов чем-то подобным ярлыку, который типологический сортировщик вкладывает в доброзачастные чеканы. Между тем понятие это, как и многие другие, звучит неодинаково в применении к писателям различных исторических этапов, в различной социальной обусловленности. Вообще нигде, вероятно, нет такой неразберихи в терминологии, как в науке о литературе. Нередко встречаются здесь люди, пытающиеся прогрессивный декабристский окраски дворянский либерализм 20-х гг. XIX в. с идеологией тех либералов, отношение которых к са-модержавию Щерин гениально охарактеризовал фразой: «Нет задачи, более достойной истинного либерала, чем с доверием ожидать дальнейшего расяснения».

К сожалению, наши советские ученые далеко не достаточно следуют примеру классовых марксизма, уделявших в своих трудах огромное внимание пересмотру старой научной терминологии и образованию новых научных терминов. Даже некоторые понятия М. Горького в этом направлении (например, предложенные им понятия «ласкивности» и «активного романтизма») не подвергались обсуждению. Точности терминологии Маркс, Энгельс, Ленин придавали исключительное важное значение. Это было для них тесно связано с нетерпимостью к общим фразам, к бессодержательным, оторванным от практики абстракциям. История литературной науки показывает, что наиболее значительные открытия в решении спорных вопросов произошли на основе синтеза теоретического разума и глубокого знания фактов. Интересно с этой точки зрения история трактовки пушкинской теории «чистого искусства». Попытки работы П. Е. Щеголева, раскрывавшей на богатом материале враждебные отношения Пушкина и Николаю I, помогло Паханову показать, что в силу творения «Чернь» Пушкин имел объектом объективна не народ, а «светское общество». Дальнейшая разработка этого вопроса, уже в советское время, на основе анализа рукописей Пушкина и журнальной полемики его времени, позволила установить совершенно точно, что теория «чистого искусства» была Пушкину абсолютной чужды и что стихотворение «Чернь» и др. являлись совершенно конкретными ответами поэта светской и журнальной черни на соответствующие прямые «заказы».

Другим фактом, показывающим важность соединения теоретического подхода с широким знанием материала, является трактовка литературных позиций одного из лучших поэтов-декабристов — В. Кюхельбергера. На протяжении десятков лет его

Молодой писатель приносит в издательство свою книгу. И первым человеком, которому он ввергает свою судьбу, часто является редактор. От того, насколько правильно, принципиально отнесется к своей задаче редактор, очень часто зависит дальнейший творческий рост молодого писателя.

В. БЕЛЯЕВ

Вот каким путем попытался защитить молодого писателя Глеба Алексина редактор, проработавший с ним полтора года и считающий выпуск «Неуча» своей большой заслугой. По этому поводу он прямо заявляет в своем письменном выступлении: «Благодаря моим усилиям она (книга «Неуч») появилась на свет».

Такой способ «содружества» автора и редактора просто-напросто вызывает недоумение. Когда читаешь, что известный писатель — коммунист, член правления союза писателей, был лишен физической возможности выступать в своем писательском клубе в защиту молодого писателя, это звучит просто смешотворно.

По стопам С. А. Семенова, попытавшегося ссылаться на «политику и негодование» оправдать свое малодушие, пошли и другие. Зав. сектором современной литературы Ленгослитиздата тов. А. Кривошеев присутствовал на обсуждении романа Алексина.

Кто, спрашивается, мешал ей выступить если не по существу романа, то хотя бы по поводу тона этого обсуждения? Кто мешал А. Кривошееву, а равно и другим редакторам Гослитиздата, ранее хвалявшимся романом, выступить и сказать свое мнение о достоинствах романа?

Еще совсем недавно — на обсуждении романа в Ленинградском библиотечном коллективе 8 декабря — Глеб Алексин заявил собравшимся: «Мой роман «Неуч» прочитал Б. А. Лавренко. Сказал, что очень умная книга. Ему понравился образ секретаря парткома Яли Митши».

Почему же писательская и читательская общественность не слышит хотя бы этого мнения крупного писателя и члена редколлегии журнала «Звезда» В. А. Лавренко?

Печальная история выпуска книги «Неуч» очень показательна. Она иллюстрирует явное неблагополучие в работе с молодыми писателями. Если она будет продолжаться, то в положении Глеба Алексина, которого по вине беспринципных редакторов попеременно окатывают то холодной, то горячей водой, может оказаться любой начинающий писатель. Такие случаи уже известны. Вызь хотя бы историю романа Ф. Олесова «Возвращение».

Выходу романа «Возвращение» препятствовала обильная реклама. Хвалющие статьи о романе «Возвращение» печатали и члены редколлегии журнала «Звезда», в котором роман печатался, и редактор отдельного издания этой книги. Но стоило появиться первой отрицательной статье о романе, как эти «злые гении» молодого писателя оказались в стороне, а молодой писатель, которому непрерывно вкручивали голову, остался в полном одиночестве.

В № 11 «Звезды» напечатана повесть А. Милевского «Враги». Тема повести, отдельные сюжетные положения очень напоминают содержание повести В. Катаева «Я, сын трудового народа». Тема объединяет, читая повесть скучно и неинтересно, несмотря на то, что автор не лишен способностей и отдельные места звучат у него самостоятельно.

Чтобы разграничить рамки событий и дать исторический фон полнее, А. Милевский в одной главе приводит беседу между германским послом на Украине в 1918 году бароном Муммом и начальником штаба армией интересов генералом Гресером. Поливнившись в одной главе, они затем исчезают. Но это были бы еще небольшой бедой, если бы эти случаи в сюжете персонажи хоть сколько-нибудь запомнились, а беседа их была изложена выразительно и умно. Но что делает молодой автор? Он берет книжку «Крах германской оккупации на Украине», выписывает оттуда цитаты, подчас даже с соблюдением пунктуации, и переносит эти цитаты на дипломатической телеграммы пятаки в диалог собеседников. Естественно, что не всегда ножины и влей могут способствовать художественной выразительности произведения. Так и в данном случае — беседа интеллигентов получилась в повести «Враги» схематичной.

Редакция журнала «Звезда» была лишена чувства элементарной требовательности к молодому автору А. Милевскому, опубликовав его сырую, недоработанную повесть. Члены редколлегии «Звезды» плохо работали с автором, они не могли даже оценить ему, что есть разница между живой разговорной речью и языком дипломатических документов.

Сейчас появляются отрицательные отзывы о повести «Враги». Их было бы значительно меньше, а может быть и вовсе бы не было, если бы редакторы не оказали либерализма и как следует организовали работу с молодым писателем. Кстати, показательно и здесь отношение издательства. В «Литературной газете» за 15 декабря появилась статья С. Нагорного о повести «Враги». Вывод этой статьи неутешителен: «Было бы неплохо еще издать страниц — все равно никого не пользует было бы ни полюбить, ни запомнить в этой повести».

Возмущало ли появление этой статьи кого-либо в издательстве? Говорят ли об этой статье? Нет. И к статье и к судьбе молодого писателя в издательстве относятся равнодушно, с холодным безразличием, так, словно повесть «Враги» опубликована не в «Звезде», а в каком-либо браزيلском журнале.

А ведь речь идет о творческой судьбе молодого писателя. По плану 1939 года Ленгослитиздат должен выпустить немало книг молодых писателей. Будут изданы: книга Купера «Возвращение», сборник рассказов Грина о Барелии, роман Емелина «Зеленая лампа», роман Петрова «В горах Болгарии» (о боевой деятельности болгарских партизан). Выйдет роман Халвова «Обнаженные корни» — о белой эмиграции, роман инженера Рубинова «Дело о Шугите», книга Ригичио о ледовом походе Валдрота, выписка стихов молодого поэта-краснофлота Лебедева и другие.

Темы новых произведений значительны и интересны. Но качество этих книг, разумеется, во многом зависит от того, насколько принципиально верно будет осуществлено уже сейчас содружество автора и редактора, насколько редакторы, издательство и союз советских писателей со своей стороны чутко, добросовестно, поблещиваясь относятся к делу воспитания молодых писателей.

Совершенно очевидно, что чрезмерное и преждевременное захваливание молодых писателей часто лишает их основного качества, без которого их дальнейший творческий рост становится невозможным. Этим качеством является скромность и требовательность к себе. В одном из своих писем Густав Флобер говорил, что «хорошие вещи создаются терпением, долгой энергией». Эти слова следует помнить каждому молодому писателю. Пред ним одна большая цель — упорный творческий труд, упорная работа над завоеванием художественного мастерства. Всякая шумиха, «лихорадка славы» вредит молодому писателю, еще недостаточно проверившему свои силы. Печальная история романа «Неуч» должна стать сигналом резкого неблагополучия на участке работы с молодыми авторами. Уроки этой истории должны быть использованы для повышения качества работы с молодыми литераторами, для повышения общего уровня советской литературы.

Часто мы хвалим поэта за искренность, забывая, что отсутствие этого качества просто ставит его за пределы искусства. Может ли человек с поэтическим образом мышления искренне «любить», неискренне «негодовать»? Является ли такой человек поэтом? Поэзия мало «искренностна» или так называемой «теплоты». Мы хотим, чтобы наша социалистическая поэзия была поэзией большого чувства. Только в этом случае поэтическое произведение будет современным, а поэт — нашим современником, за всех нас запавающим песню.

А. ЕВГЕНЬЕВ

Провозглашение когда-то Маяковским — «громада любовь, громада ненависть» — имеет все основания стать сейчас актуальнейшим лозунгом советской поэзии, одним из главных критериев для определения того, насколько данное произведение современно. Но те люди, которые делают поэзию на политическую и неполитическую, а борьбу за совершенство формы рассматривают как проявление формализма, склонны считать современными и политическими только такие стихи, в которых речь идет о событиях, происшедших непосредственно сегодня. Этим лозунгом стиха молодого поэта Дмитрия Кедрина, напечатанном в сборнике «Победители», вышедшем в 20-летие Комсомола, могут дать повод для обвинения поэта в «затянутости» и прочих страшных грехах.

В поэме Д. Кедрина рассказано, как вранский поэт Фирдуси умер, не дожидаясь награды от шаха за свои труды, а его сестричанина дочь отослала обратно награду — ее пришло, пришедшему стихом поэма. В другой поэме — «Золотце» Кедрин повествует о том, как Иван Четвертый выкалдовал глаза злым, построившим прекрасную церковь, чтобы они не создали другого храма, красивее этого.

Волнующая тема об участии человека, в данном случае художника — в том мире, где люди делаются на рабов и τυфунцев, — входит в нашу действительность как яркая противоположность судьбе художника в нашей стране, а в творческий мир поэта — как тема, осознанная им, прочувствованная, современная, затрагивающая нас и его. Волнение поэта мы чувствуем, забывая об огромном хронологическом расстоянии, отделяющем нас от героев, о новейшей обработке стихов, о может быть, циничной «красивости» и «экологичности» материала.

Но нам кажется, что события, описанные Кедринским, и его герои ближе нам, чем романтический мальчик, воспринятый в стихах молодого поэта Ивана Баукова, или «беспринципный» герой-геолог, путешествующий по нескольким сотням строк другого поэта — Льва Ошанина в поисках красного камня и жаждущий найти его с таким же лихорадочным азартом, с каким золотоискатели гле-болот на Клондике мечтают добраться до золотоносной жилы. Нам кажется, что именно эти герои выты авторами напраот даже не в антикварном магазине, а в лавке литературных штампов, напех перешиты, «современены» и вытиснуты а новые, пусть даже ловко зарифмованные и внешне вполне гладкие стихи. Между тем, Д. Кедрин в увлекательном историческом рассказе нашел живые и современные поэты, передавая при этом исторический факт во всем его своеобразии и неповторимости, мы «подновляя» его, не модернизируя, не приписывая искусственно к точке зрения сегодняшнего дня.

Значит, поэт должен заниматься только рассмотрением асаргазовых нашинсей, благо они от нас более чем далеки, и пробавяться в современной теме через толпу средневековых рыцарей, бояр, царей и прочих исторических персонажей? Или по примеру поэта Сергея Острового, напечатанного в сборнике «Сказку о казике Лутове, о алом сыче и о семи дочерях» — спрятать своего как-будто бы реального героя за шпору холодной и не вполне добротачественной стилизации?

Так могут понять нас лишь те поэты, которые больше других имеют основания сердиться на литературную критику. Ра-

зумеется, поэт, отвергающий вообще историческую тематику, считая ее «антикварной», сужает кругозор современного человека, который обладает исключительным многообразием ощущений и восприятия жизни, небывалой широтой интересов. Истинный поэт поет потому, что не может не поет. Он создает стихи потому, что его реакция на событие, которое нас всех сегодня волнует, не может быть выражена в иной форме. Существо подлинной поэзии заключается в том, что поэт, находясь в кругу современных ему чувств, понятий, ощущений, в наиболее яркой художественной форме проявляет эту свою современность. Маяковский воспевал революцию во все торжачием слезам. Художник обожался без той «цистачности», на которую любит ссылаться многие поэты, умеющие «почувствовать» в полной мере только ту эпоху, которая отделила столетиями от наших дней. Пушкин писал о современных ему людях. Истинный поэт умеет видеть современную ему жизнь, умеет смотреть не только назад, но и вперед.

Обращаясь к истории, поэт остается современным нашей эпохи. Он не модернизирует историю, но рассматривает исторические факты во всеоружии современных знаний и чувств, уволетворяет тот громадный интерес к истории, который является отличительной чертой современного человека. И в этом смысле он, бесспорно, современен.

Но события сегодняшнего дня, требующие активного вмешательства поэта, какой неисчерпаемый источник вдохновения, какой изумительный человеческий материал дают они поэту, жаждущему не только в пресловутый стать равные со своим веком, но и стать автором стихов, по удачному выражению Н. Асеева, — брошенные далеко вперед, т. е. современных стихов. Вот здесь-то особенно уместно и особенно нужно говорить о поэзии большого чувства, большой, современной и партийной мысли.

Но почему чувству — рознь. Вот как живые передают свое чувство оптимизма в песне о стране, «где стал могучим тот, кто был ничем», т. е. о нашей стране:

И я живу! Работая! И ем!
И песней оглашаю города
Мои! И молодость моя горда,
Как молодость! И громко хлопочу,
Я за руки веду моих сынов...

Конечно, можно было бы ограничиться выражением соболезнования тем городам, которые «оглашают» своей песней поэт Павел Панченко, и тем читателям, к которым он обращается со словом «народники», если бы читатель хоть на секунду мог принять оглушающие выкрики Панченко за настоящее выражение горячего чувства. Но поэт глубоко убежден: чем истиннее он будет кричать, тем больше в его стихах будет «лафоса», тем легче он добьется успеха и признания в качестве «современного» поэта. Он, может быть, искренне следует образцам, имеющимся, к сожалению, у некоторых наших «возрослых» поэтов, но, не обладая достаточной ремесленной сноровкой, он доводит пороки своих образцов до карикатуры.

Поэт в этом случае уподобляется одному гофанскому персонажу, который по предсказанию феи, станет тем больше, чем больше золота будет проходить через его руки. Его стиха — легкокомбинная растрата несметных богатств, заложенных в теме.

Слово, как бы значительно и велико не было... — в его устах становится мертвым. В двух небольших стихотворениях Василия Сидорова тоже все на месте — и рифмы и очень современные слова: победы, дворцы, слава, летчики, трактористки, будущая мать, ненавистный враг, бесстрашные бойцы... Но слова эти, заостренные акцентными рифмами и разделенные знаками препинания, отнюдь не ставятся поэзией. Они так и остаются словами.

Павел Железнов выступил с выразительным стихотворением «Памятный день».

В других же его стихах, помещенных в сборнике, читатель найдет и прославление молодости, и яркое знамя, и «хлебушки» пулеметы, и положенную долю оптимизма. Но чего же нехватает этим стихам Железнова, Василия Сидорова и других молодых поэтов, с большой легкостью оперирующих словами и рифмами? Своеобразие поэтического голоса? Бесспорно. Их рифмам нехватает естественности, словам — смысла, а стихам — поэзии.

Рисуя образ героя (Николай Островский), хором известного читателю, Константин Симонов находит тем не менее свои слова, свои образы, свое отношение к замечательному писателю и большевику. Поэма Симонова «Победители» звучит поэту выразительно и сильно, раскрывая перед читателем новые стороны жизни Николая Островского, ушедшие поэты. Поэма могла стать поющей на станционном посту. — Симонов избегает этой опасности. Неприятная взволнованность его голоса, большое чувство, которым наполена поэма, сообщают ей черты и современного и поэтического произведения.

Эти два определения мы не случайно ставим рядом. Когда мы говорим о современности художественного произведения, то это качество мы связываем с тем, насколько это произведение поэтично, является ли автор его истинным, глубоко чувствующим поэтом.

Отрывки из поэмы «Мать» Александра Ишана — одно из наиболее интересных произведений, помещенных в сборнике. Ишан рисует чудовищный образ женщины, движимой звериным инстинктом собственности и в безнадельном отчаянии цепляющейся за горшки и чутунки — последний оплот ее кулацкого хозяйства.

Всю свою долгую безрадостную жизнь героиня поэмы Ишана жила тем, что ей подадут во жалости люди. Она мыла чужие полы, выкашивала чужих телок, молотила чужую рожь, доила чужих коров, но себе не подавала ни одной крошки. Пригнетая в старости матерым кулаком, она сама становится кулачковой — смертельным врагом колхозного крестьянина и собственного своего сына Василия. Сасная, страшная злоба движет ею, когда она навстривает на крестьянских детей беззащитного пельного пса.

Мы не упрекаем Ишана за отсутствие в его поэме оптимистического финала. Его допшет читатель. Он сам почувствует нарочное счастье, во имя которого Василий жертует своей сыновней любовью, сам увидит более существенные черты новой жизни, чем тот одинокий трактор, в котором Ишан видит ее единственный символ. Существо дела в том, что, умело строя повествование, неплохо развивая сюжет и оттаявая многие важные психологические моменты, Ишан в своей поэме дает может быть интересный, но прозаический рассказ, ослепленный рифмой и ритмом, но лишней внутренней музыки стиха, высокого звучания поэзии.

Этот порок поэмы Ишана, в какой-то степени искупившийся многими ее положительными сторонами, в стихах других поэтов, пишущих «летние» и «бодрые» стихи, принимает угрожающие размеры. Большие, горчие и очень важные слова, разделенные в таких стихах многочискими и обильными восклицательными знаками, выступают лишь как ряды понятий, ничего общего с поэзией не имеющие. Написанные о нашем времени, нашими словами, эти стихи тем не менее лишены современных нам мыслей и чувств.

В сборнике «Победители» напечатаны стихи трошати трех молодых поэтов. Стихи Константина Симонова, Сергея Смирнова, Маргариты Алперт, Сергея Михайлова, Евгения Долматовского, Михаила Матусовского и других поэтов, напечатанные в сборнике, оторваны от больших возможностей, которые открываются перед поэтической молодежью, свидетельствуют о ее новых творческих победах. Мы очли необходимость говорить больше о недостатках молодых поэтов, чем об их достоинствах, потому что даже наиболее талантливые представители поэтического молодяжка находят лишь на попытке в своей большой теме — теме нашего сегодняшнего дня.

«ГАЗЕТИК МАЯКОВСКИЙ»

На вечере в Центральном доме журналиста

С большим содержанием докладом на тему «Газетчик Маяковский» выступил 10 декабря в Центральном доме журналиста Т. С. Трегуб.

Мы газетчики! — говаривал часто Маяковский, и эти слова его звучали как вызов буржуазным aestам, ревнителям «чистого» искусства.

Маяковский всегда чувствовал себя активным участником социалистического строительства. Начиная от РОСТА, где он нарисовал больше трех тысяч плакатов и дал к ним стихотворные подписи, до «Комсомольской правды», где Маяковский участвовал во всех самых боевых политических кампаниях газеты, — лежит путь великого поэта-агитатора, отдавшего «свою свою звонкую силу» революционному претариату и его партии.

Тов. Трегуб подробно характеризовал отношение Маяковского к газете.

Жена отвечать активным задачам борьбы за коммунизм, публицистическим, пропагандистским требованиям этой борьбы, — говорил докладчик.

Литературная и общественно-политическая деятельность Маяковского была ненавистна и опасна для врагов социализма. Не по вкусу были боевые газетные стихи Маяковского также и тем мелким литературным личностям, чьи жалкие голоса зашумали могучий голос поэта-трибуна.

В. Полонский писал, что Маяковский снизил идеологический и художественный уровень своего творчества и превратился в «завзятого пропателя газетных стишков». Вражеской злобой были переполнены статьи Горбова, Воронского, А. Лежнева. Это была диверсия против большевистской агитации художественным словом. И именно так понимал это Маяковский. Он яростно отстаивал свое право работать в газете. «Чистые» литераторы орут: газета снижает стиль, газета повеленностью оттягивает от углубленных тем, — писал Маяковский. — Газетчик против углубленных тем. Ерунда! Мелочность темы — это мекка собраний фактов».

Маяковский считал делом своей чести говорить с миллионами через газету. Он был очень строг и выскатедел к своим стихам. Он предостерегал в «Послании в пролетарским поэтам»: Одною боюсь — За вас и сам, — чтоб не обмелели наши дупи, Чтоб мы не возвели в коммунистический сан плоскость раешников и ерунду чашущек.

Знаю только хороших поэтов и плохих. Нужно стремиться быть хорошим, серьезным поэтом, а для сего необходимо выкинуть вон из головы всю современную бутуфорию и театральщину... И чем скорее это будет сделано, тем лучше для того, кто это сделает.

Мы вправе сказать поэтическим делом, которое всякую попытку изобразить ужасность их поэтического мышления и деревенского мастерства расценивают как поход против политической поэзии; тактика эта не нова.

В свое время подобным демагогическим упрекам подвергся Гейне за то, что он пошел в «Атта Троэль» высмеять беспомощные, риторические стихи одного из своих современников. Отвечая на эти нападки, Гейне писал: «...Ты лжешь, Брут, ты лжешь, Кассий, лжешь и ты, Азинус, когда утверждаешь, что моя насмешка обутыивается на те лжи, которые составляют драгоценнейшее достояние человечества и за которые я сам боролся и страдал. Нет, именно потому, что перепозом эти идеи постоянно носится, их неудержимо овладевает жажда смеха, когда он видит, как грубо, туго и незело могут быть понимаемы эти идеи ограниченными современниками. В этих случаях он смеется как бы над мезвельей шкуркой, в которую они временно наряжены. Есть зеркала, до такой степени криво отшлифованные, что даже Аполлон отражается в них карикатурно и вызывает в зрителе смех. Но мы смеемся только над карикатурой, а не над богом».

Маяковский беспощадно разоблачал тех литераторов, которые ридили свои посредственные вирши в тогу политической поэзии. Недоброжелателей у поэта было немало.

Доходило до того, что перо Маяковского, пламенное перо, воспевавшее Октябрьскую революцию и Ленина, они называли пером а. ш. шабров. Так позволял себе язвить критик Д. Талыников. Г. Шенгели, тот самый, которому Май-

ковский посвятил стихотворение «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели», с легкой руки которого у нас стали относиться к поэтической работе, как к легкой поштучку...», выступил в 1927 году книжечкой «Маяковский весь рост». Здесь он договорился до такого пошлосте «пророческого» утверждения: «Безный илемия, обладающий сужением кругозором, интеллектуальным, нерастерянным, слабый мастер, — он (Маяковский!) вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него».

В журнале «На литературном посту» (№ 20—21) за 1928 год можно обнаружить обработанный текст речи А. Жарова на пленуме РАПП, — вспоминает т. Трегуб. — Незаслуженно забывает речь! «Прискорбно» — говорил Жаров, — что «Комсомольская правда», единственная из газет, воспитывающих специально молодежь, чрезмерно культивирует Маяковского... Если даже Маяковский ушел от Лефа, от крайнее и явно реакционного, что в нем есть, то Маяковский не ушел от самого себя, от скрыто-реакционного, что он поносит нам под соусом сверхреволюционной, сверхкоммунистической деплашности... «Защитник» политической поэзии заявил: «Ни Маяковский, ни прочие не были для меня никогда выражением живого движения».

В той же речи Жаров, с присущей ему скромностью, возвестил, что его «недостатки, болезни, а также и достижения являются также недостатками, болезнями и достижениями всей нашей пролетарской литературы».

Маяковскому предлагали «перечувствовать», чтоб стать вровень с такой литературой! Маяковский осмелелся обвинять в «ячестве» и «гопентризм». Время показало, чем в действительности было субъективное «Я» Маяковского. Я ж с небес поэзии

бросаясь в коммунизм, потому что нет мне без него любви.

Поэзия была для Маяковского делом жизни, оружием в борьбе. Она — его мышление, и страсть, и воля, его стремление и надежда. Все его произведения биографичны, связаны с его жизнью. Но поэзией была для него отчина, ее судьба — торжество народного и, следовательно, его Маяковского, дела.

Литературные обычаи, традиции Маяковского при жизни и оскорблявшие его память после смерти, монотонно и злобно твердят: «он писал стихи на заказ». При этом они ссылаются на эти полемические и полные иронии строки Маяковского:

И мне агитпроп в зубах навяз, и мне бы строчить романы на вас — доходящий оно и прелестней. Но я себя смирал, становясь на горло собственной песне.

Только злобно ненавидя Маяковского, можно думать, что человек, бывший всю жизнь «революционным агитпропом», мог всерьез жаловаться на то, что составляло содержание всей его жизни, и завидовать «славе» романсописцев, — сказал т. Трегуб. — Только такие люди не могли не увидеть язвительной извекки Маяковского: доходящий оно и прелестней — и забыть, с какой прекрасной гордостью он говорил:

не напиши строчки, Краснодеревник не следи мебель на дом. И кроме свежесмытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо.

«Почему я должен писать о любви Мани к Пете, — спрашивал он, — а не рассматривать себя как часть того государственного органа, который строит жизнь?» Он этого хотел. Он желал, чтобы ему «заказывали» стихи. Он писал: «Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год».

Партия рабочего класса, партия Ленина — Сталина была для Маяковского смыслом жизни. Он писал:

У нас до важного самого в привычку входит, ветшают, как платье. Хочу свять заставить заново величайшее слово — ПАРТИЯ.

Вместе с партией, вместе с советским народом Маяковский яростно ополчался против врагов, неустанно напоминая, что «очень много разных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг».

В 1930 г. Маяковский говорил: «Дайте, товарищи, по рукам тем, кто будет приравнивать газетную работу в культурной работе». В этом призыве были выражены и тревога за собрание по делу и высокое сознание своей ответственности за тяжелую и почетную работу, которую он вазвал на свои могучие плечи и вышолзал с гордостью и честью. Таково вкратце содержание доклада т. Трегуба. К сожалению, собравшаяся в Доме журналиста аудитория не была подготовлена к обсуждению вопросов, поднятых т. Трегубом (выступил только т. Вачелди, отчасти дополнивший докладчика). Сметалось бы поставить доклад т. Трегуба в Московском клубе писателей.

Мицкевич и Пушкин

140 лет назад, 24 декабря 1798 г. родился великий польский поэт Адам Мицкевич.

В этих беседах, как вспоминает Пушкин в стихотворении «Он между нами жил»...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Мицкевич в одном из своих стихотворений вспоминает, как в ненастный петербургский вечер они с Пушкиным...

Кукрыники, иллюстрация к «Мертвым душам» Н. Гоголя. Выставка детской книги.

У новеллистов

Первым читал Б. Леонидов. В рассказе его «Неприличная телеграмма» повествовалось о том, как бывший партизан, ныне директор коневосхоза, предостерегает в себе «партизанские навскипы»...

В финале рассказа подвизения героя оказываются ложными, и на глазах удивленного автора он заключает в объятия верную жену. Названный своим рассказом «Телеграмма», которую герой намеревается в пылу гнева послать своей матери, чтобы сообщить ей о коварстве жены...

Нельзя сказать, чтобы премия, развернутая после чтения рассказа, отличалась оживленностью. И уж во всяком случае следует сказать, что разговоры о нем велись далеко не на должной высоте.

По мнению выступившего в прениях П. Нилина, уровень обсуждения рассказа Б. Леонидова следовало назвать любительским. В сущности, уровень этот, как обычно, был во многом определен уровнем прочитанного произведения. Тем же менее большинство выступивших сошлось на том, что рассказ следует считать неудачным, что почти водоводный его сюжет, туманная словесная ткань, обилие неместных шпунтов и множество банальностей помешали автору осуществить свой в самом общем смысле небезынтересный замысел.

Об этом говорили В. Кожеников, Н. Москвин, Д. Лагин, Д. Ясеновский, А. Тарасов. Исключением составлял Д. Крестников, пытавшийся защитить рассказ, упрекая на его «читабельность». Такая точка зрения вызвала многочисленные протесты.

В качестве курьеза следует упомянуть о выступлении Т. Рыбалова, известном потому заинтересовавшегося генеалогией героя рассказа и усомнившегося в том, что этот пожелай уже человек мог так сильно долбиться в женщину.

Вслед за т. Леонидовым читался рассказ Е. Босняцкого и С. Урниса, в самое последнее время образовавших творческое содружество и печатающих свои рассказы под псевдонимом Тихон Булавин.

Их рассказ назывался «Семейный альбом». В нем человек по фамилии Харла-

пиев после двадцатилетнего пребывания за границей возвращается в Советский Союз. Он приходит к жене и к сыну, который вырос в его отсутствие, и с чувством своей вины перед ними готовится взять их под свое покровительство. Но вскоре выясняется, что они не нуждаются в его поддержке, что они чужие ему, что мир, в который он попал, далеко от всех его представлений и во всем, вплоть до мелочей, отличен от мира, в котором он жил до сих пор. Случайно Харлампиеву попадает под руку альбом, в котором запечатлены годы, прожитые без него женой и сыном, и он понимает, как длинен путь, отделяющий их —людей, самостоятельно и в новых условиях построивших свою жизнь,—от его пути—человека, в сущности оставшегося таким же, каким он был.

Разговоры, возникшие по поводу этого рассказа, несмотря на почти полное единодушие, с каким все признали, что рассказ хорош, были гораздо более оживленными, чем разговоры о первом рассказе.

Н. Атаров правильно сформулировал направление беседы: рассказ хорош, — сказал он,—поэтому стоит говорить о его недостатках.

Действительно, споры завязались вокруг вопросов о том — удачны ли детали рассказа, верен ли тон, в каком ведется повествование, живы ли отдельные ситуации.

Необходимо отметить одну особенность этого собрания. Наряду с делными, интересными и в полной мере профессиональными суждениями на нем по временам можно было услышать голоса людей мало квалифицированных и мнения до трогательности наивные. С другой стороны, высказывались и суждения, если можно так выразиться, псевдопрофессиональные, в которых в изобилии фигурировали бычские «комкования», «оттапливания» «драматургичности повествования» и пр.

Новеллисты не склонны прощать все это людям, выступающим на их производственных совещаниях. И их сотоварищи и даже насмешки, какими они сопровождали каждое такое выступление, нельзя не признать справедливыми.

А. Б.

НА СОБРАНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

У ПОЗТОВ

Ленинградские поэты за время существования союза советских писателей третий раз выбирают бюро секции. Нельзя не заметить характерной черты этих выборов — собрания И отчеты бюро секции и выступления поэтов очень похожи друг на друга. В этом году, как и в прошлом, председатель бюро секции Н. Тихонов говорил не о том, что сделано секцией, а о том, что секция могла сделать. И все было сказано: секция поэтов могла многое сделать.

В 1937—1938 г. вышло немало книг поэтов. Книги эти далеко не равны: есть среди них хорошие, яркие, волнующие и есть вычурные, скучные. Ни одна из этих книг не была обсуждена.

За отчетное время ленинградские поэты выпустили два коллективных сборника «Родина» и «Молодость». Похвалю, что поэты этими сборниками отозвались на события, волновавшие весь советский народ. Но правы были товарищи, отмечавшие художественную неполноценность этих сборников.

Если бы секция требовательно обдумала материал, собранный для «Родины» и для «Молодости», многое бы отпало. Но этого сделано не было. У всех поэтов в памяти единственное собрание секции, на котором читали новые стихи поэты Рождественский, Лозин, Лихарев, Решетов. Но это собрание началось с огромным опозданием, и времени для разговоров оставалось мало. Поэтические вечера в клубе также проводились неразумно. Огромные аудитории не в состоянии были вместить множество фамилий выступивших поэтов. До поздней ночи поэты, одни за другим, читали свои произведения, но слушатели не только из-за ограниченного времени не могли выразить своих мнений. Невозможно было и разобраться в этом множестве стихов и фамилий. В чем же дело? Почему бюро не проявляет организующей воли?

Руководители бюро т. Тихонов и Прокофьев откровенно признались, что из-за своей перегруженности в бюро поэтической секции не работали. А другие члены бюро ждали инициативы от руководителей.

В новое бюро секции избраны Н. Тихонов, А. Прокофьев, В. Рождественский, Б. Лихарев и П. Шубин.

Ал. РЕШЕТОВ

У ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ И КРИТИКОВ

В Ленинградскую секцию критиков и литературоведов обилием главным образом историков и теоретиков литературы, текстологов и т. д. Преобладающая литература надолго определивший отпечаток на деятельность творческой секции.

Отчитываясь в работе бюро, т. Блинк должен был признать, что наиболее слабым участком работы попрежнему остается критика современной советской литературы: кадры критиков здесь очень бедны, многие товарищи давно уже не пишут о новых книгах, а некоторые вообще не пишут и только «считаются» критиками. С другой стороны, ленинградская печать не уделяет

ДОРОГОЙ ПОДАРОК ДЕТЯМ

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). Госиздат Армении выпустил книгу Д. Фурманова «Чапаев». Книга напечатана крупным шрифтом, на хорошей бумаге и со всяким оформлением. Выход ее следует всячески приветствовать.

Однако Госиздат Армении установил стоимость книги в 10 рублей, что, разумеется, слишком дорого.

К сожалению, такая высокая расценка книги не единственный случай в «коммерческой» практике Госиздата Армении.

«МИНИ И ПОЖАРСКИЙ»

Кинотеатр Мосфильм приступает к работе над съемками исторической картины «Минин и Пожарский» по сценарию В. Шкловского. Картину ставит режиссеры М. Доллер и В. Пудовкин.

На территории Мосфильма идет подготовка к съемкам. Строится большой подземный монастырский двор и улица Сретения той эпохи. Подбираются исторические костюмы и старинное оружие. В картину будут использованы русские костюмы XVII века, найденные глубоко под землей при прокладке метро и хорошо сохранившиеся.

Картина «Минин и Пожарский» выйдет на экран в 1939 г.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

лет должного внимания отделам критики и библиографии. Несколько времени назад бюро секции созвало совещание представителей редакций ленинградских газет. Представители редакций обещали более часто и систематически писать о литературе, но обещания так и не выполнили.

В обсуждении отчетного доклада приняло участие всего только четыре человека! Собрание ограничилось тем, что признало работу старого бюро вполне удовлетворительной, но не наметило конкретной программы для дальнейшей успешной творческой перестройки секции.

В новое бюро секции избраны: Б. Бялик, проф. Г. Гукеский, проф. М. Азодский, проф. В. Десницкий, проф. И. Пиксанов, А. Рыбасов (зав. отделом классики Ленинградского университета) и С. Дрейден. Надо отметить, что новое бюро почти целиком состоит из литературоведов, группа критиков в нем представлена очень слабо.

У ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На собрании секции детских писателей Ленинграда с отчетным докладом выступил Евгений Шварц.

В докладе, как и во всех выступлениях детских писателей, во главу угла ставился вопрос о взаимоотношениях с Детгизом. Издательство детской литературы работает плохо. Не случайно, что секция приходилось всю свою деятельность направлять главным образом на обслуживание все новых и новых вариантов плана, на «спасение» тех или иных хороших книг, неожиданно и беспричинно отвергаемых издательством, на урегулирование многочисленных и ненужных конфликтов издательства с писателями.

На отчетно-выборном собрании отмечали, что «Литературная газета» 15 декабря дала правильную характеристику деятельности Детгиза в Ленинграде.

Обсуждая доклад Евг. Шварца, писатели говорили о том, что бюро добилось выхода из печати ряда книг, почему-то исключенных из плана. Но эта сторона работы, очень трудная и важная, доведена над всем остальным.

Писатели Вармин, Золотовский, Трифонов, В. Беляев, Гернет, Никитич указали на то, что секция мало уделяла времени творческой работе, они говорили о том, что секция живет замкнутой жизнью, не берется в собственном соку, что необходимо наладить связь с другими творческими секциями союза.

Детские писатели хотят наконец заняться обсуждением больших принципиальных вопросов творческого порядка, заняться технологией своего дела. За последнее время мало выходит детских книг, и даже те немногие, которые выходят, далеко не все получают критическую оценку. В журналах и газетах почти не пишут о детской литературе.

Собрание постановило считать работу бюро удовлетворительной. В новое бюро секции избраны тт. Вармин, В. Беляев, Гернет, Савельев и Никитич.

Н. НИКИТИЧ

По следам наших материалов

Редакция «Литературной газеты» получила письмо т. Р. Рура, в котором автор просил о защите в литературной жизни Марийской республики и об отсутствии руководства писательской организацией.

В марийской писательской организации долгое время орудовали троцкистско-бухаринские выродки и буржуазные националисты, превратившие литературный альманах в свой рупор. Честных советских литераторов враги народа натравливали друг на друга, изгоняли из издательства, из редакций газет, всячески третируют и оскорбляли.

После разоблачения врагов народа, провалявшихся к руководству писательской организации, ликвидировавшей расказывательство проходила недопустимо медленно. В результате — уже 7 месяцев альманах не имеет редактора. Около трех лет прошло с момента сдачи в производство книги Н. Островского «Как закалялась сталь», но книга до сих пор не вышла. По 1½—2 года не издаются стихи молодых поэтов Чалай, Казакова и других.

Письмо т. Рура было направлено редакцией в Марийский обком ВКП(б) на рассмотрение.

В своем ответе редакцией отдел печати Марийского обкома ВКП(б) сообщает, что все указанные факты подтверждены. Приняты меры к устранению недостатков, указанных в письме.

В ноябре вышел первый номер альманаха, и в этом месяце будет выпущен второй. В альманахе печатаются рассказы, очерки, стихи преимущественно начинающихся авторов; за последнее время проведены собрания писателей, обсуждавших рассказы и песни марийских писателей. Обеспечен выпуск в свет книги Н. Островского «Как закалялась сталь» в марийском издании.

Книжная хроника

* В серии «Военная библиотека» печатается новый роман Анны Зегерс «Славен» — о жизни и настроениях германских шахтеров. Книга выходит с предисловием Я. Металлова.

* Новый роман современного английского писателя А. Дж. Кронина — «Питавель» — выдвигает Ленгоситизм. Основная тема романа — косность и продолжительность буржуазной науки. На русском языке это уже третья книга Кронина. Первые две — «Замок Броуда» и «Звездный свет» — вышли в 1938 г.

* «Избранные произведения» Анри Барбуса в одном томе выходит в скором времени в Гослитиздате. В одном из томов: «Огонь» (с предисловием М. Горького), «Яность» и «Письма с фронта», Вступительная статья написана И. Ангисимовым.

* В издательстве Академии наук СССР печатается историко-литературное исследование акад. А. С. Орлова — «Слово о полку Игореве». Основные главы книги: Типы исторических повестей Киевской Руси, Военские повести летописи и «Слово о полку Игореве». Популярность «Слова» в русском средневековье. Открытие списка «Слова» в XVIII веке и первые воспроизведения его текста. Половецкая опасность XI—XII вв. Летописные рассказы об Игоревом походе на половцев в 1185 г. Поэтический план «Слова о полку Игореве». Стилистический строй «Слова».

ИЗВЕЩЕНИЕ

30 декабря состоится инструктивное совещание лекторов и библиотечарей, создаваемое Ленинградским комитетом союза советских писателей и Центральным лекционным бюро Моссовета. Совещание состоится в 6 ч. вечера, в Доме союзов, под эгидой 9. зал № 1.

Инструктивный доклад сделает проф. Н. Ф. Вельчков. Участвуют поэты—переводчики Шевченко.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ПАРКОМПИПРО РСФСР Центральные курсы заочного обучения иностранным языкам. «И Н - Я З» прием на отделения АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ.

КАЛЕНДАРЬ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

Завтра академик Е. В. Тарле прочтет доклад на тему «Проблема Центральной Европы во внешней политике Франции и раздел Херсонесского». Начало в 20 час. 30 мин.

Завтра же — очередные декадники новеллистов и драматургов. 28 декабря — вечер художественного чтения. Участвуют — В. Яхонтов, Д. Орлов и Игорь Ильинский. Декадник секции народного творчества, на котором В. Н. Всеволодский-Гернгросс сделает доклад на тему «Народная драма» (Царь Максимилиан).

29-го и 30-го — елки для детей писателей. 31-го — встреча Нового года.

Паркомпицентр СССР Гаввино. Лучшее освежающее вино. Гаввино. Лучшее освежающее вино.

ЗАКОНЫ СЦЕНЫ

на работу. Герой, молодой агроном, пришел встречать сестру, но не нашел ее и случайно познакомился с героиней. Отсюда разные кви-про-кво, тет-а-тет и куд-де-фур — это есть любовь с первого взгляда. Меня смущает эта ситуация. Это неприятно! Я коротко сформулирую свое предложение так: действие переносится в 1918 год. Железнодорожный разезд. Героиня—партизанка прибывает на бронепоезд и открывает уратинный огонь из всех орудий. Дальнейшее должен разработать автор. Все!

— Вы записали это ценное предложение? — спросил директор. — Записал, — сказал автор. — Я попытаюсь ответить в заключительном слове, если смогу.

— Сможете! — успокоил директор. — Здесь присутствует всеми нами уважаемый товарищ Хвеев. Я думаю, мы выслушаем его указания, прежде чем примем окончательное решение.

Товарищ Хвеев задумчиво почесал бровь, затем открыл толстый желтый портфель, снова захлопнул его и медленно заговорил. — Мда... Так вот я безусловно не могу сказать, чтобы того... И так далее. Даже больше того, я категорически! И так сказать в корне! Вот! Не согласен!

— С чем?.. — начал было автор, но поперхнулся. — Не согласен! — вдруг крикнул товарищ Хвеев и стукнул кулаком по портфелю. — Вы знаете, что вы написали? Нет, вы не отдасте себе отчета! В корне! У вас герой и героиня встречаются?

— Встречаются, — согласился автор. — Случайно? Драматург не стал отрицать и этого. — А что они делают? Они зна-ко-мат-ся! Вот! До встречи герой знает классическое лицо девушки, которую он, может

быть, встретит? Нет, не знает. А девушка, в свою очередь, знакомая с неизвестным якобы молодым человеком, требует справку с места работы? Проявляет она какой-нибудь интерес к его документам? Нет, не делает она всего этого! А почему, разрешите узнать? Что это — близорукость автора или кое-что похуже? Вот!

— Вы записали? — спросил директор, но автор большими глотками пил наравн прямо из горлышка и молчал.

— Мы слышали здесь немало ценных предложений, — сказал директор, — но меня удивило то, что все забыли о спелинге. Ведь наш театр обслуживает главным образом пожарных. Соответствующие субсидии получены. А драматурги стоят в стороне. Вот и вы, уважаемый автор, стоите в стороне. Почему вы не выходите на линию огня? Вернее, на линию тушения огня? Я, правда, не специалист-режиссер, я по специальности бригадир, но все-таки я скажу: в пьесе надо ввести рядовых работников огня. Пусть, скажем, он будет топорник, а она, скажем, инспектор по огнетушителям. Чужая пьеса! А какие возможности оформления сцены — спереди каски, каски, каски, а сзади брандспойты, брандспойты, брандспойты и пожарная лестница через весь зал. В пьесе, правда, есть одна ремарка на нашу тему — там сказано: «из трубы паровоза валит дым». Это хорошо, но этого мало. Помните, что нет дыма без огня и нет огня без огнетушителя! Я забрызгался, товарищи. Закрывая наше обсуждение, я надеюсь, что автор, которому теперь все понятно, учтет все наши предложения и внесет все наши поправки.

Но автор не отвечал. Тихо всхлипывая, он засовывал рукопись в карман и лихо ралочко замыкал кашне. Все было согласно законам сцены.